

Предисловие

С момента зарождения осознанного восприятия мира человек начинает понимать свое особое место, которое представляется в уникальности его среди других живых существ и деятельном преобразовании окружающей среды. Пантеистическое мышление, воплощенное в антропном принципе, возводит человека до высот мироздания, религиозная идеология опускает до существа, сотворенного божественной силой, всецело ей подвластного и покорного. Научное мышление определяет человека предметом рационального познания и активно противопоставляет абстрактным мифическим догмам антропоцентризма и креационизма.

Двойственное (дуалистическое) представление о человеческом существе в образе некоего «двуликого Януса», сочетающего в себе природное и духовное начала, содержало источник дивергенции в познании человека на множество естественнонаучных и гуманитарных направлений. Общая картина человекознания предстает настолько дифференцированной, что в своем историческом развитии с ней не сравнится ни одна наука. Особое место в ней занимает антропология.

В качестве самостоятельной дисциплины антропология является относительно молодой наукой с окончательно не определенной предметной областью, которой бы четко очерчивались границы ее компетенции. Узкое толкование предмета антропологии сводится к познанию изменчивости человеческого организма по морфологическим признакам (физическая антропология). Расширенное представление, наряду с изучением биологических атрибутов, включает характеристику человека как общественно-исторического деятеля (этническая антропология). Нетрудно заметить, что обе трактовки исходят из одной и той же дуалистической модели только в уменьшенном масштабе. В отечественной литературе принято ограничивать предмет антропологии в первом варианте, т.е. как науки биологического профиля.

К настоящему времени получен огромный объем опубликованной информации по всем основным классическим разделам антропологии — морфологии человеческого организма, происхождении и эволюции вида *Homo sapiens*, его дифференциации по расовым и этническим признакам. В большинстве своем накопленные сведения имеют описательное содержание, исходящее из сравнительных исследований, характерных для организмоцентрического понимания единицы эволюционного процесса. Эта форма биологического познания не нуж-

дается в собственно эволюционной методологии, так как ограничивается изучением изменчивости признаков на индивидуальном уровне, безотносительно к историческим преобразованиям генетической нормы реакции.

Переход к популяционному мышлению позволил по-новому и широко включиться в познание эволюции живой природы, означал революцию в биологических науках, которая затронула и антропологию. В эволюционном ключе более глубоко исследуется ранее накопленный и новый материал по сравнительной морфологии человека, а тем более по изучению антропогенеза и расообразования. В итоге начинает формироваться особая область познания человека, которую предлагается назвать *эволюционной антропологией*.

С древних времен накапливались антропологические знания с элементами эволюционизма и только с осознанием огромного эвристического значения эволюционного принципа наступает время их объединения и создания специальной области научного знания — эволюционной антропологии. Если придерживаться мнения, что классическая (физическая) антропология начинает формироваться с середины XIX в., дата становления эволюционной антропологии совпадает с этим временем.

В последующий период развитие эволюционно-антропологических исследований идет в контексте с разработкой общей теории эволюции по нескольким этапам «эволюционного синтеза». На каждом из них эти исследования обогащаются новой интерпретацией, что позволяет утверждать о возникновении самостоятельной области антропологии, имеющей своим предметом изучение не только и не столько результатов антропоэволюции, сколько ее предпосылок, движущих сил и закономерностей.

Историко-научному и теоретическому обобщению инициативы многих поколений ученых по созданию эволюционной антропологии посвящена настоящая работа. В соответствии с хронологической канвой историко-научных исследований во временной последовательности излагается и комментируется содержание трудов, известных с древности и опубликованных в последнее время. Анализ новейших данных по эволюции предгоминид и семейства гоминид, накопленных к настоящему времени в практически необозримом объеме, ограничен в основном краткой их аннотацией, ссылками на приоритетные работы и фундаментальные обобщающие издания.

Автор выражает признательность ответственному редактору Ю.И. Новоженову, рецензентам Я.М. Галлу и В.И. Хартановичу, А.Г. Козинцеву за замечания и советы, которые с благодарностью приняты и использованы, Э.И. Колчинскому за новейшую зарубежную информацию по вопросам антропогенеза и практическое содействие в публикации книги, М.В. Лоскутовой за помощь в подготовке ее к печати.

Введение

Слово «антропология» употребляется с глубокой древности, но для названия специальной науки о морфологии и психологии человека стало использоваться с эпохи Возрождения (начало XVI в.), а для обозначения в качестве самостоятельной биологической дисциплины с середины XIX в. Первоначально предметная область антропологии ограничивалась измерениями общих размеров тела и его частей, определениями массы, окраски покровов тела, формы волос, цвета глаз, других признаков соматического (физического) характера. Со временем антропологический материал систематизировался в три раздела (морфология человека, теория антропогенеза, расоведение), которые составили структурную основу современной антропологии (Рогинский, Левин, 1978).

Для более отчетливого выделения специфического содержания новой отрасли человекознания профессор Московского университета И.В. Венсович (1805) предложил название «физическая антропология». Удивительно, насколько прозорливо он провел разграничение между толкованием антропологии как широкой области познания человека и как специальной науки о строении и физиологии его тела в нормальном и патологическом состоянии — *физической антропологии*. Позднее основоположник отечественных антропологических исследований А.П. Богданов (1878–1879) модифицировал это наименование в «антропологическую физиогномику», что в истории осталось только новаторством автора.

Название новой биологической науки о человеке оказалось адекватным ее содержанию, широко принятым в научных кругах, введенным в учебные издания (Washburn, 1953; Ashly Montagu, 1960; Jurmain a. all., 2001), отраженном в наименовании периодического издания «American Journal of Physical Anthropology», и до сих пор встречается на страницах антропологической литературы.

За необычным, на первый взгляд, словосочетанием «физическая антропология» скрывалась вполне определенная цель — обозначить эту область знаний не только как самостоятельную науку, но и как науку биологическую, входящую в арсенал естественнонаучных дисциплин. При сохранении морфологии человека в качестве первоосновы в последующее время антропология обогащается включением новых направлений и нового стиля мышления, расширяет связи с другими научными отраслями.

Терминологическая модификация антропологии не ограничилась приставкой «физическая». Антропология как наука о человеке до сих пор воспринимается в очень широком диапазоне значений и обозначений. Еще Аристотель называл человека «животным общественным», т.е. организованным в сложно дифференцированное сообщество, отсюда возникло понятие «социальная антропология», которая включена в учебные программы высшего образования.

Широко разветвленная естественнонаучная и гуманитарная специализация антропологических знаний находит разноголосое отражение в многочисленных терминах: «физиологическая антропология» (Levine, 1940; *Physiological anthropology*, 1975), «экологическая антропология» (Hardesty, 1977; Moran, 1982), «молекулярная антропология» (Zuckerlandl, 1963), «демографическая антропология» (Swedlung, Armelagos, 1976), «медицинская антропология» (Ковешников, Никитюк, 1992), «структурная антропология» (Леви-Строс, 1985), «культурная антропология» (Sahlins, 1968; Harris, 1987), «этическая антропология» (Диденко, 2003), «практическая антропология» (Olivier, 1969), «прагматическая антропология» (*Der ganze Mensch...*, 1986) «философская антропология» (Scheler, 1928; Григорьян, 1982), еще в нескольких неологизмах, составленных из названий других весьма разных наук и корневого слова «антропология» (педагогическая, психологическая и т.д.).

Открыто расологическим было стремление придать физической антропологии идеологическое содержание в словосочетании «политическая антропология» (Woltmann, 1903). Уже в названии сочинения этого автора «Политическая антропология. Исследование о влиянии эволюционной теории на учение о политическом развитии народов» (Вольтман, 2000) заявлено желание объяснить общественную историю законами биологической эволюции. Сочинения отцов расологии открывали дорогу широкому шествию германского расизма и шовинизма, а чем это закончилось на практике, осталось в памяти человеческой.

Непомерная и иногда совершенно неоправданная увлеченность размножать общий термин «антропология» в частных наименованиях демонстрируется попыткой ввести словосочетание «историческая антропология» для обозначения историко-научного исследования, в фокусе которого находится человек определенной эпохи с ее социально-экономическими, культурными, религиозными и т.п. традициями (Илизаров, 2003, с. 159). Фокусировка исследователя в таком широком контексте позволяет, по мнению цитированного автора, изучать его с возможно наибольшего числа точек наблюдения, а потому требуется ввести новый термин — «аудиовизуальная антропология науки», который без тренировки и выговорить-то трудно. Подобные упражнения только засоряют научную терминологию, а для обозначения указанного жанра историко-научных исследований давно используется термин «социальная история науки», и если необходимы названия ее отдельных направлений, их следует искать в более удобных в произношении словах. Кроме того, термин «историческая антропология» уже занят в позитивном значении (Алексеев, 1989), в ряде моментов близком к сохранению эволюционной антропологии.

Вместе с тем стремление расширить диапазон частных наименований антропологии свидетельствует о продолжающейся дифференциации знаний о человеке.

Тема и название данной работы отнюдь не означают желание пополнить список разных «антропологий». Термин «эволюционная антропология» встретился

в нескольких литературных источниках. Относительно недавно и, насколько мне известно, впервые употребил его американский этнограф и историк А. Кробер (Kroeber, 1960) в словосочетании «классическая эволюционная антропология» для обозначения истории культуры первобытных сообществ, начало которым было положено трудами этнографов и антропологов второй половины XIX в. (Морган, 1877; Тэйлор, 1877; Антропология, 1881). В статье Р. Таттла (Tuttle, 1974) под названием «нормальная наука в эволюционной антропологии» обсуждается частный вопрос о преимуществах в строении зубного аппарата обезьян и предков человека. Термин «эволюционная антропология» встретился уже и на обложке недавно опубликованной книги (Дерягина, 1999), в которой рассматриваются биологические и культурологические аспекты данной области науки о человеке.

Из названия «эволюционная антропология» видно, что она является интегративной наукой, в которой антропологические знания объединяются с принципом исторического развития, точнее сказать, рассматриваются через призму эволюционизма. Широкое применение здесь эволюционного подхода определяется прежде всего содержанием и структурой самой антропологии, состоящей из разделов (морфология, теория антропогенеза, расоведение), насквозь «пропитанных» принципом эволюционизма. Поэтому вызывает удивление, что термин «эволюционная антропология» не получил ранее статуса широко признанного научного термина для обозначения этой синтетической науки в области человекознания. Тем более данный факт вызывает удивление, что эволюционная антропология исторически своим появлением начинает список многих отраслей эволюционной биологии (эволюционная морфология, физиология, эмбриология, палеонтология и др.), интенсивно формировавшихся вскоре после выступления Ч. Дарвина и давно узаконенных в правах самостоятельных наук. Междисциплинарное содержание эволюционной антропологии определяется не только ее интегративным значением в объединении самых разных отраслей классической (физической) антропологии на основе принципов биологического эволюционизма, но и взаимосвязями с другими естественнонаучными и гуманитарными отраслями, о которых упоминалось выше при перечислении разных «антропологий».

Эволюционная антропология — обширная по объему информационного материала и разнообразию направлений область биологического познания человека, сопряженная в известной мере с исследованиями его социальной сущности. Она включает изучение исторического происхождения *Homo sapiens*, индивидуальной и групповой изменчивости на основе приобретенной генетической нормы реакции и ее преобразований в ходе эволюции человеческих популяций, предпосылок, движущих сил и закономерностей этого процесса. Специфика человеческих коллективов (социумов), объединяющих в себе биологическую природу и социальную сущность, во многом осложняет познание их естественной эволюции. Помимо общего социально-философского осмысления, здесь следует учитывать данные этнографии, археологии, общественной истории, лингвистики, демографии.

Формально и в какой-то мере структурно область интересов эволюционной антропологии можно разделить на две части: исследования антропогенеза и эволюции «готового» человека (*Homo sapiens*), между которыми существует значительный дисбаланс по уровню изученности этих составных компонентов общей

эволюции человеческого вида. За полуторавековую историю эволюционной антропологии накоплен неисчислимый по количеству публикаций объем информации о происхождении человека и относительно меньше имеется специальных работ по исследованию эволюции уже сформировавшегося вида *Homo sapiens*. Не требуется дополнительной аргументации в доказательство того, насколько значимы такие исследования для развития антропологии в целом и отдельных ее направлений, смежных с ней наук, прикладных областей, особенно если учитывать объемный фонд генетических задатков, оставшихся в наследство современному человеческому виду от прошлой эволюции семейства гоминид.

Явно недостаточное признание за эволюционной антропологией статуса самостоятельной науки делает понятным и отсутствие до сих пор систематизированного изложения ее истории в фундаментальных трудах, — как, впрочем, и классической (физической) антропологии. Краткие исторические обзоры и фрагментарные упоминания о развитии эволюционно-антропологических знаний в нашей стране и за рубежом встречаются в монографиях, статьях, учебных изданиях (Анучин, 1900; Золотарев, 1936; Левин 1950, 1960; Дебец, 1956, 1957; Рогинский, 1977; Рогинский, Левин, 1978; Brodrick, 1948; Stocking, 1968; Hapnafford, 1996; Langanke, 2003).

Цель данной работы — в историко-научном освещении заполнить информационный вакуум в утверждении эволюционной антропологии как самостоятельной дисциплины.

Глава 1.

Становление эволюционной антропологии

Историю каждой науки логично начать с определения ее предмета и далее излагать с датировки времени возникновения, установления основоположников, рассмотрения выдвинутых ими идей, фактической аргументации теоретических положений. Все эти моменты составляют когнитивную, или собственно научную, область историко-научных исследований. Другая задача состоит в анализе институциональной, или научно-организационной сферы, в которую включаются специальные научные учреждения, сообщества ученых, международные и национальные конгрессы и конференции, печатно-издательская деятельность. Важно также учитывать общественно-исторические условия становления и развития научной отрасли, в число которых входят социально-экономические, политические, культурные факторы, особенности психологии творчества ученых, в совокупности составляющие область социальной истории науки.

Далеко не все перечисленные моменты и стороны историко-научных исследований можно осветить с достаточной точностью и полнотой, что объясняется прежде всего объективными причинами. Среди них основными являются всегда существующая некоторая расплывчатость границ предмета науки, особенно в сфере человекознания, неопределенность времени ее становления, нередко трудность и даже невозможность четкого определения критериев для выделения этапов развития данной науки.

Отмеченные трудности с очевидностью возникают при попытках реконструировать развитие антропологии в соответствии с ее логической структурой, определения временных границ исторических этапов и их преемственности, выявления научного фонда каждого из этапов, отражения его в историко-научной и историографической литературе. В такой сложной ситуации познавательного процесса заключается одна из главных причин того, что до сих пор не имеется обобщающих трудов, в которых бы история антропологии, в том числе и эволюционной, освещалась бы фундаментально, всесторонне и в мировом масштабе, в соответствии с тем огромным значением, какое она имеет для познания человеком физического и культурного развития, для познания человеком самого себя.

В первой главе рассматриваются предмет эволюционной антропологии, ее место в общей системе наук о человеке, накопление антропологических знаний

с элементами эволюционизма с древности до середины XIX в. В ходе развития основных разделов антропологии (морфология человека, теория антропогенеза, расоведение), начало становления эволюционного направления в антропологии.

В понятие «предмет науки» обычно вкладывается ее основная содержательная quintessence, выраженная в предельно краткой форме. Далеко не всегда удается сформулировать такое содержательное и в то же время лаконичное определение предмета той или иной научной дисциплины, поскольку эта мыслительная операция зависит от уровня развития науки, наличия достаточного объема фактических данных и теоретических положений, от субъективного фактора. Последний во многом связан с мировоззрением автора, его эрудицией в данной области знаний, понимания ее целей и задач. Достигнутое совершенство в определении предмета науки есть свидетельство ее теоретической зрелости.

Во введении отмечалось, что само название «эволюционная антропология» встречается в литературе очень редко, да и то не всегда по прямому его назначению, поэтому вести речь о предмете данной науки приходится с «чистого листа».

Методологически определить круг проблем и задач эволюционной антропологии, которые составляют ее предмет, достаточно просто. Для этого необходимо «спрессовать» содержание самой антропологии до предельного выявления ее общих проблем и рассмотреть их с использованием принципа эволюции. В наиболее обобщенной форме данная цель может быть достигнута при рассмотрении феномена человека как объекта и как предмета антропологии. Будучи объектом научного познания, сочетающим в себе биологическое и социальное начала, человек является объектом всего многообразия естественнонаучных и гуманитарных дисциплин. Предметом же каждой из них он выступает соответственно специфике своих качественных характеристик.

Человек как объект антропологии

В научной и учебной литературе нет строго сформулированного именно для данной науки определения предмета антропологии, в котором бы в достаточно полной мере отражалась уникальность объекта исследования — феномена человека, объединяющего в себе биологическую и социальную организацию. В отечественных изданиях предмет антропологии выделяется как область науки, компетенцию которой составляет изучение изменчивости «физического типа человека во времени и в пространстве» (Рогинский, Левин, 1978, с. 7). Данное определение отражает весьма общую характеристику предмета антропологии, без его достаточной содержательной конкретизации. В другой редакции этими авторами антропология характеризуется как «отрасль естествознания, которая изучает происхождение и эволюцию физической организации человека и его рас» (Там же). В этом определении отражено понимание антропологии уже как науки конкретной, в отличие от истолкования, включающего широкий спектр дифференцированных отраслей человекознания. Нетрудно заметить, что в обеих формулировках подчеркивается эволюционное содержание этой науки. Вместе с тем авторы отмечают, что человек является существом социальным, поэтому следует учитывать и это его качественное своеобразие, а потому антропологию нельзя ставить в один ряд с частными разделами зоологии.

Приведенное в учебнике Я.Я. Рогинского и М.Г. Левина предельно лаконичное определение предмета антропологии было принято в специальной отечественной литературе. Цитируя его, В.П. Алексеев (1985а, с. 92) дает несколько расширенное истолкование антропологии как науки «о естественной истории Человечества, подразделении его на расы и конституциональные типы, о биологических основах цивилизации». Здесь на первый план выделяются расоведение и морфология человека и отмечается связь антропологии с науками, изучающими естественную и общественную историю человечества.

В приведенных формулировках выделяются несколько аспектов в понимании предметной области антропологии. Во-первых, указывается на то, что это естественнонаучная, а не гуманитарная дисциплина. Во-вторых, антропология изучает не просто физическую организацию (строение) человеческого тела, что является предметом анатомии, а его изменчивость, т.е. вариации роста, массы, окраски покровов и других морфологических, а также физиолого-биохимических признаков. В-третьих, понятие изменчивости распространяется не только на вариации индивидуальных признаков, оно охватывает и групповую (популяционную и расовую) дифференциацию человеческого вида, его полиморфную структуру в зависимости от природных и социальных условий существования в прошлом и настоящем. Все эти аспекты объединяются одним ключом, а именно рассмотрением человеческого вида в его эволюционной истории, начиная с первых шагов антропогенеза и до современности.

Другой момент касается отношения антропологии к понятию-термину «биология человека», который, по словам В.П. Алексеева (1985а), все больше внедряется в научную и учебную литературу. Действительно, в некоторых изданиях первое название науки о человеке замещается вторым и, более того, среди дисциплин, объединяемых под рубрикой «биология человека», вообще отсутствует антропология, например, в известном учебном руководстве английских авторов (Харрисон и др., 1979). В этой книге излагается объемная область знаний о человеческом виде, включая генетику, экологию, происхождение и эволюцию человека, расообразование, биологическую изменчивость его современных популяций, онтогенетическое развитие и другие вопросы, связанные с морфологией, физиологией, эмбриологией и т.д. В предисловии к ней П. Медавар значительно пополнил круг научных дисциплин и вопросов, включенных в «биологию человека». Он отнес сюда еще демографию, динамику пространственной и временной структуры популяций и даже различные формы социального поведения.

Сборный список биологических наук о человеке можно расширять беспрестанно, и эта тенденция вполне оправдана, поскольку научное познание неисчерпаемо и появление новых направлений в человекознании есть объективный факт. Вместе с тем в таком бесконечно расширительном варианте «биология человека» выглядит не самостоятельной наукой, а конгломератом мало связанных между собой областей знания. В образной форме данную ситуацию описал Н.Ф. Реймерс: «Человек как объект познания рассмотрен современными научными дисциплинами под различными углами зрения, а потому предметно разорван на множество частей. Эти части порой почти никак не стыкуются, и ученые представители многих отраслей знания смотрят на человека как бы глазами насекомого, где каждый зрительный элемент шлет в центральную нервную систему воспринимаемую часть целого. Без интеграции получается хаос ярких точек»

(1994, с. 282–283). В узком содержательном значении «биология человека» является той же антропологией, и нет необходимости заменять этот исторически сложившийся, предметно определенный и узаконенный научным сообществом термин каким-либо другим (Алексеев, 1985а, с. 91).

В связи с вышесказанным следует отметить стремление ряда зарубежных авторов ввести в научный оборот понятие «биологическая антропология» (biological anthropology), публикуемое уже в названиях крупных изданий (Noel a. all., 1999; Boaz, Almquist, 2002; Relethford, 2003; Park, 2005). Анализ таких работ показывает отсутствие единства в понимании предмета собственно «биологической антропологии», отчетливых границ ее содержания и компетенции. К примеру, книга под редакцией М. Парка, переизданная четыре раза, отражает самую разнообразную тематику: от классических работ К. Линнея до генома человека, включая и разделы эволюционной антропологии (эволюцию гоминид по признакам бипедальности, увеличение объема мозга, изменчивость окраски кожных покровов, половой диморфизм, экологическую экспансию, таксономию). В фундаментальной монографии Д. Релетфорда, переизданной пять раз, изложен обширный и очень разнообразный материал, приводимый в ключе основной идеи — эволюции человеческого вида. Во многих местах специально рассматривается давно назревшая проблема о предпосылках и причинах антропоэволюции (изменчивость генофонда популяций путем мутаций и потока генов, естественного отбора, генетического дрейфа), а также об их взаимодействии. По существу своему трактуемые в приведенных работах понятия «биология человека» и «биологическая антропология» во многом совпадают, хотя терминологически и несколько различаются.

В расширенном — модернизированном — варианте анализирует предмет антропологии В.П. Алексеев (1989) в книге «Историческая антропология», в которой освещаются и вопросы эволюционного содержания. Деление антропологии на три раздела (морфологию человека, теорию антропогенеза, расоведение), утверждает он, является «данью устаревшей традиции». Эту триаду следует дополнить физиологической антропологией, а также более широко включить популяционно-генетические исследования, что будет означать существенный «скачок вперед» (с. 95).

Появление таких изданий, пролонгирующих путь к более пространному пониманию предмета антропологии, охватывающему все уровни организации человеческого вида (от макромолекулярного до популяционного) и их эволюцию, свидетельствует о существенном изменении традиционных, преимущественно морфологических, представлений.

При характеристике качественного отличия человека от животных стало трюизмом употреблять выражение «биосоциальная» сущность человека, однако со строго научной и терминологической точек зрения оно недопустимо. Правильное представление о сущности феномена человека исходит не из двойственного (дуалистического) признания в нем двух субстанций — биологической и социальной, а из монистической позиции, согласно которой один объект не может содержать в себе двух сущностей (Дубинин, 1973). Каждый объект обладает единственной для него совокупностью свойств, составляющей сущность именно данного объекта и потому с качественной стороны выделяющей его среди всех других объектов. Отсюда обоснованным будет разделять понятия о *биологической природе* и *социальной сущности* человека (Георгиевский, 2002).

Биологическая субстанция человека в виде организованной системы генетических, морфо-физиологических, поведенческих признаков, популяционной структуры является природной основой его существования и развития, и в этом отношении человек принципиально не отличается от животных. Фундаментальное отличие заключается в присущей только человеку социальности: способности к мышлению и речи, трудовой и общественной деятельности, в результате которых появляется сугубо человеческий феномен под названием «личность».

Исходя из монистического понимания объекта антропологии — человека, сочетающего в себе биологическую природу и социальную сущность, можно дать следующее определение предмета этой науки. *Антропология есть естественно-научная дисциплина, изучающая индивидуальную и групповую изменчивость человеческого вида, его происхождение и последующую эволюцию с учетом социальной обусловленности всех этих процессов.*

Предмет эволюционной антропологии

Создать представление о предмете эволюционной антропологии в первом приближении можно путем синтеза антропологии и эволюционной теории. В более обобщенном виде речь идет об интеграции их предметных областей. Выше упоминалось, что предметом классической антропологии является изучение индивидуальной и групповой изменчивости морфологической организации человека, его происхождения и последующей эволюции как уникального биологического вида, подверженного воздействию и социальных факторов. Отмечалось также, что все три основных раздела антропологии (морфология человека, теория антропогенеза, расоведение), в большей или меньшей степени, но прямым образом связаны с принципами и положениями биологического эволюционизма и даже основаны на них.

Однако здесь резонно возникает принципиальный вопрос: если все разделы физической антропологии «пропитаны» эволюционизмом, какая необходимость выделять особую дисциплину под названием «эволюционная антропология». Поясним обоснованность такой операции на конкретном примере. Издавна различия в окраске кожи принимаются за критерий расовой диагностики безотносительно к тому, под влиянием каких эволюционных факторов они исторически формировались. Классического антрополога интересует интенсивность этой окраски как результата микроэволюции, по которому можно характеризовать расовые различия и в соответствии с правилом географической (клинальной) изменчивости определить очаги расообразования. Антрополог-эволюционист задумывается над *причинами* исторического возникновения данного феномена, объединяемыми общим понятием «каузальные факторы» эволюции человеческого вида. Поэтому предмет эволюционной антропологии методологически без особых затруднений можно определить, исходя из представления о предмете общей теории эволюции.

Определение предмета теории эволюции до сих пор остается не решенной до конца задачей, что можно объяснить рядом причин как объективного, так и субъективного характера. Главная трудность заключается в сложном комплексном взаимодействии множества предпосылок, факторов, движущих сил, общих зако-

номерностей эволюционного процесса, и именно она порождает обилие концепций от монистических до синтетических (Завадский, 1965, 1973; Майр, 1968). Основные споры ведутся по вопросам о содержании понятий факторов, причин, движущих сил эволюции, о том, какие из них считать главными или второстепенными, какие между ними существуют взаимодействия, как они меняются местами в ходе филогенеза (Завадский, Колчинский, 1977).

Предметную область теории эволюции составляет изучение организации эволюирующих единиц, предпосылок, движущих сил и общих закономерностей исторического развития органического мира (Георгиевский, 1985). Данное определение построено на триаде «условие — причина — следствие», характеризующей любой процесс в самом главном его основании — детерминистской обусловленности, для которой необходимы определенные предпосылки (условия) и которая завершается в своем проявлении определенными результатами (следствиями).

Для эволюционного процесса такими предпосылками являются надорганизменные системы и все формы изменчивости (мутационная, рекомбинационная, коррелятивная, модификационная). Элементарной и вместе с тем основной эволюирующей единицей считается локальная популяция, т.е. организованная совокупность особей, она же является и необходимой предпосылкой эволюционных преобразований, так как естественный отбор может действовать только в группе неравноценных по приспособленности индивидов. Все формы изменчивости (наследственной и ненаследственной) поставляют необходимый материал для естественного отбора. Дополнительными и существенными факторами кондиционального характера (условиями эволюционного процесса) выступают динамика численности, миграция и изоляция, обеспечивающие соответственно изменения концентрации мутаций и рекомбинаций, заселение в новые экологические ниши, внутривидовую дифференциацию и видообразование.

Главными причинными факторами эволюции являются разные формы борьбы за существование (прямая борьба, конкуренция, кооперация) и естественного отбора (движущий, стабилизирующий, нормализирующий, частотно-зависимый, родственный), которые в самых различных констелляциях с предпосылками и частными факторами создают тот сложный по сценарию и исполнению процесс, который называется биологической эволюцией. Процесс этот не хаотичен, а закономерен в силу внутренней организации, в которой все действующие «лица» — предпосылки, факторы, движущие силы имеют свои роли. Общей закономерностью и одновременно результатом эволюции под действием отбора является адаптациогенез, на основе которого возникают новые виды и осуществляется морфо-физиологический прогресс. В число частных филогенетических закономерностей включаются дивергентность и конвергентность, направленность, необратимость, неравномерность темпов и другие. Диссонанс в этот организованный «ансамбль» предпосылок, факторов, закономерностей под управлением естественного отбора вносит процесс под названием «дестабилизирующий» отбор, а также в известной мере дрейф генов, неподвластный обычному естественному отбору и даже ему противоположный по результатам своего проявления.

Все без исключения компоненты, составляющие предмет теории эволюции, принимали участие в историческом формировании человеческого вида и действуют по настоящее время. Уникальным для филогенетического развития го-

минидной линии, приведшего к возникновению человеческого вида и его последующей эволюции, было изменение форм и интенсивности действия многих факторов, в особенности естественного отбора, и нарастающее усиление эффектов дестабилизирующего отбора и дрейфа генов.

Поскольку все три основных раздела антропологии так или иначе наполнены эволюционным содержанием, поэтому, прежде чем дать общее определение предмету эволюционной антропологии, кратко остановимся на конкретной характеристике этих разделов в теоретико-эволюционном контексте.

Эволюционная морфология человека. В биологическом приложении термин «морфология» используется для описания формы и строения живых существ на всех уровнях от макромолекулярного, клеточного, тканевого, органного, системоорганного до организма в целом. При этом изучается и динамика морфологических структур (морфогенез или формообразование) как в онтогенезе, так и в филогенезе. В ходе индивидуального развития возникают субклеточные, клеточные, многоклеточные (тканевые и органные) структуры, определяемые взаимодействием генетических программ морфогенеза, системой морфо-генетических и эргонических корреляций (Шмальгаузен, 1964, 1982). В эволюции под контролем естественного отбора происходит изменение генетических программ формообразования (филогенетический морфогенез), и этот исторический процесс представляет наибольший интерес для эволюционной морфологии, его исследования составляют главную концептуальную основу данной науки, включая и эволюционную морфологию человека.

В соответствии с определением предмета антропологии как науки, изучающей изменчивость человеческого вида, ее раздел под названием «морфология человека» включает информацию о вариациях строения человеческого организма на индивидуальном и групповом уровнях. Прежде чем оценить изменчивость признаков у группы людей в целом, необходимо получить данные по каждому из членов группы и затем суммировать их по достаточно репрезентативному числу индивидуумов.

В той или иной мере изменчивости подвергаются все признаки организма, и формы этой изменчивости можно объединить в три класса.

1. Индивидуальная изменчивость *физического* типа, например, по массе и размерам тела и его частей, окраске кожи, цвету глаз, волос и всем другим соматическим признакам. Эта форма изменчивости определяется взаимодействием индивидуальной генетической нормы реакции и условий среды и потому имеет название модификационной изменчивости. Причем одни признаки (цвет глаз, форма черепа, длина тела) очень слабо поддаются изменениям под действием внешних факторов, другие более зависимы от них (масса тела), Третьи вообще не связаны ни с какими изменениями среды и устойчиво сохраняются на всем протяжении жизни индивида (системы групп крови).

2. *Возрастная* изменчивость организма от начальных стадий индивидуального развития до старости включительно в своей основе генетически запрограммирована в норме реакции, т.е. является результатом эволюционного развития данного вида. Жизнь особей природных видов очень редко продолжается до естественной смерти по разным причинам более ранней элиминации, у человека продолжительность жизни, а, следовательно, и возрастная изменчивость на всем протяжении онтогенеза определена генетически и в норме достигает запрограммированного биологического предела.

Каждый этап онтогенеза (младенчество, юность, взрослая и старческая стадии) имеет своего рода «переключатели» развития во времени, функционирующие последовательно и необратимо. Для возрастной изменчивости особенно характерна неравномерность темпов онтогенетических процессов, их резкое ускорение на ранних стадиях (пубертатные скачки) и замедление на завершающих. Ребенок в возрасте трех лет по уровню своего развития несравнимо отличается от годовалого малыша: первый уже полностью осваивает прямохождение и элементы речевого общения, второй еще только начинает ходить и совсем не обладает навыками речи. Различия же у людей пожилого и старческого возраста в интервале двух лет практически не проявляются в их внешнем облике и поведении.

Временная онтогенетическая изменчивость определяет наличие в популяции представителей разных возрастов (дети, подростки, взрослые, пожилые люди, старцы), формирует ее возрастную структуру, от которой во многом зависят демографическое благополучие данной популяции и возможности ее дальнейшей эволюции. С биологической точки зрения для устойчивого существования популяции во времени, для ее воспроизводства по поколениям, особенно существенны достаточная численность и способность к размножению (фертильность) особей репродуктивного возраста. Возрастной диапазон этой категории у человека определяется репродуктивным периодом женщины и составляет около 30 лет (в среднем от 15 до 45 лет). Необходимые для нормального воспроизводства популяции численность людей репродуктивного возраста и фертильность следует дополнить социальным фактором — субъективным желанием продолжения рода, который имеет первостепенное значение в странах с убывающим населением.

Возрастная изменчивость имеет абсолютный характер, т.е. ей подвергаются все индивиды без исключения. Смертность является таким же необходимым условием существования популяции, как и наполняемость ее новыми членами через рождаемость. Превышение рождаемости над смертностью определяет биологический прогресс популяции путем ее демографического роста, что расширяет возможности для накопления полезных мутаций и эволюционной устойчивости.

3. Изменчивость по признакам, определяемым *половыми* различиями по особенностям строения и функционирования женского и мужского организмов (половой диморфизм). Этот вид изменчивости генетически закодирован в половых хромосомах, строго детерминирующих развитие женского и мужского фенотипов, за исключением мутационных изменений нормального числа половых хромосом. Разделение на два пола является ярким примером генетического полиморфизма, эволюционно возникло очень давно в связи с преимуществами полового размножения (диплоидность, рецессивность неблагоприятных мутаций, рекомбинационная изменчивость при скрещивании и кроссинговере). Все эти преимущества полового диморфизма имеют место у человека и очень значимы для нормального существования и микроэволюции его популяций.

Морфологические изменения, обусловленные половым диморфизмом, распространяются на размеры и массу тела, ширину тазового пояса, объем черепа и мозга. По всем этим и многим другим так называемым вторичным половым признакам мужчины в среднем отличаются от женщин их большей выраженностью или принадлежностью исключительно одному полу (усы и борода у мужчин). Кроме того, наблюдается широкая морфологическая изменчивость многих признаков у представителей каждого из полов.

Морфологическая изменчивость представляет собой проявление модификационной изменчивости, запрограммированной в генотипе каждого индивидуума, поэтому фенотипически она проявляется у каждого отдельного человека своеобразно и неповторимо. До начала XX в. считалось, что модификационная изменчивость, в силу ее ненаследственного характера, не имеет значения для эволюционных преобразований. Экспериментальные исследования по так называемым длительным модификациям и теоретические модели о возможном закреплении модификаций аналогичными по фенотипическому выражению мутациями привели к формулировке концепции стабилизирующего отбора (Шмальгаузен, 1938), прояснявшей многолетний спор об эволюционной роли ненаследственной изменчивости. Имеются факты, свидетельствующие о достоверности применения данной концепции для объяснения генетического закрепления морфологической изменчивости у человека.

Морфологическая изменчивость, определяемая мутантными генами, запрограммирована в норме реакции, но в отличие от модификационной изменчивости мало зависит или совсем не зависит от внешней среды. В этом случае изменения нормы реакции, если речь идет об адаптивных признаках, осуществляются эволюционным путем под контролем естественного отбора.

Таким образом, генетическая норма реакции у каждого вида является одновременно и результатом, и объектом эволюционных преобразований. Она как бы «впитывает» в себя предшествующую эволюцию вида, является адаптивным или неадаптивным ответом на воздействия среды, т.е. ценой качества этой эволюции. Исследования нормы реакции как результата эволюции, реализуемого в морфологической изменчивости, являются основным содержанием эволюционной морфологии человека.

Теория антропогенеза. Изучение антропогенеза непосредственно формирует содержание одного из важнейших разделов эволюционной антропологии, так как его предметом является познание предпосылок, причин, механизмов, закономерностей происхождения человеческого вида — исходного этапа последующей антропоэволюции.

Следует сразу оговорить, что использование слова «теория» для объяснения антропогенеза условно, поскольку теоретический уровень познания предполагает достаточно полное и фактически обоснованное решение научной проблемы. В настоящее время проблема происхождения человека, хотя по ней опубликована огромная по объему литература, находится преимущественно еще в стадии гипотетического знания, что связано с объективными причинами. К ним относятся скудость палеоантропологических данных, трудность выяснения вопросов, материал по которым не поддается фиксации в ископаемых остатках, например, физическая экология и биоэкология антропогенеза, его движущие силы, общие закономерности. Для выяснения таких вопросов приходится использовать актуалистический метод, но экстраполяция данных, полученных при изучении современных популяций, в том числе и человеческих, не гарантирует достоверность выводов о прошлой истории семейства гоминид.

За неимением более адекватного названия данному разделу и следуя традиции, будем пользоваться наименованием «теория антропогенеза». В литературе широко применяется термин «антропосоциогенез» с целью выделения общественной специфики данного процесса. В этом семантическом усложнении нет

объективной необходимости, поскольку социальная сущность человека и так достаточно очевидна.

Многие проблемы в области изучения антропогенеза были четко выделены и частично решены уже в период становления эволюционной антропологии. К их числу относятся определение положения человеческого вида в зоологической системе, установление генеалогической его связи с другими видами в отряде приматов. Позднее выявлены стадии антропогенеза, делались попытки выяснения его движущих сил и закономерностей.

Перечень и последовательность всех этих проблем определяют структуру теории антропогенеза, которая включает *приматоведение* (изучение современных обезьян и полуобезьян), *сравнительную и эволюционную* морфологию человека (сопоставительный анализ строения тела человека и животных в статике и динамике), *эволюционную палеоантропологию* (исследования ископаемых форм как свидетельств переходных стадий в процессе происхождения человека).

Поскольку теория антропогенеза является фундаментальным разделом эволюционной антропологии, помимо перечисленных составляющих в ее структуру вовлекаются элементы из общей теории эволюции, касающиеся организации популяций, генетических и экологических факторов, причин и закономерностей эволюционного процесса в целом. Основанием для такого утверждения служит тот факт, что предэволюция человеческого вида протекала в общем потоке исторического развития надсемейства гоминоидов и семейства гоминид, которое характеризовалось всеми присущими эволюционному процессу атрибутами.

Теория антропогенеза интегрируется с большим числом естественнонаучных дисциплин (историческая геология третичного и четвертичного периодов, сравнительные морфология и эмбриология, палеонтология, эволюционная генетика и экология, общая теория эволюции), из гуманитарных наук — с археологией раннего и позднего палеолита, этнографией, палеopsихологией, зоopsихологией.

Расоведение. В третий раздел антропологии входит выяснение расового состава человеческого вида и популяционной структуры самой расы, классификация рас, исследования антропологических характеристик народов мира, исторического происхождения и географического распространения рас, факторов и закономерностей расообразования.

Определенное соотношение понятий расы и этноса дает некоторое основание для отождествления расоведения с этнической антропологией, но нельзя согласиться с замечанием, что этническая антропология — только часть расоведения, поскольку изучает антропологический состав народов мира и этногенез (Рогинский, Левин, 1978, с. 9). По-видимому, ближе к истине будет сказать, что это все-таки разные по своему предмету науки: расообразование осуществлялось по законам биологической эволюции, а этногенез — по законам общественного развития. Этноты (народы) могут состоять из представителей одной локальной или многих, в том числе основных, рас и, следовательно, никак не связаны с расообразованием, к тому же последнее проходило во времена, весьма отдаленные от этногенеза.

Из приведенного выше определения предмета расоведения видно, что структура данного раздела антропологии состоит из двух частей: изучения расы как *результата* микроэволюции и самого расообразования как *процесса*.

В живой природе образование внутривидовых элементов (экологических и географических рас) происходит путем дивергенции и изоляции от родоначальной формы и, как правило, подчиняется законам адаптивной радиации не только по морфологическим, но и по физиологическим и даже экологическим (сезонные расы) признакам. В отношении человеческих рас дело обстоит намного иначе и сложнее. Их выделение проводится только по морфологическим признакам, в большинстве своем не имеющим адаптивного значения (окраска и форма волос, цвет глаз, мягкие части лица и его ширина) или еще спорным по вопросу их полезности (курчавость волос, уплощенное лицо, эпикантус, форма черепа).

Бесполезные и даже относительно вредные признаки, используемые для расовой диагностики, являются результатом так называемой «нейтральной» эволюции, протекающей вне действия отбора, в условиях дестабилизации при панмиксии в суперпопуляции, смешения между локальными группами, дрейфа генов в малочисленных изолятах. Если дальнейшие исследования вскроют еще больший диапазон изменчивости биологически бесполезных признаков, а дело к этому идет, следует признать, что в истории человеческого сообщества нейтральная эволюция играла значительную и все нарастающую роль.

Здесь особый интерес приобретают исследования различий по физиологическим и биохимическим признакам между локальными популяциями, проживающими в разных географо-экологических условиях (адаптивные типы). Расовая диагностика по таким различиям еще мало разработана, а с учетом общности физиолого-биохимического обмена в организме человека любой расовой принадлежности является делом тонким и деликатным с точки зрения гуманистической социобиологии.

Специальному анализу подлежит и вопрос о соотношении понятий расы в антропологии, географической и экологической расы в общей теории эволюции, выяснение которого поможет уточнить тождество и различие процессов расообразования у человека и животных.

Наконец, весьма неопределенной остается позиция в трактовке времени и географических центров формирования основных рас: возникали ли они в недрах эволюции *Homo sapiens*, а затем претерпели дивергенцию и внутривидовую дифференциацию, или раньше — на стадии палеоантропов и в разных географических местах. Во втором случае следует признать обоснованность дицентрической концепции о независимом возникновении азиатского и европейского расовых стволов.

В целом эволюция человеческого вида в постантропогенный период продолжала и продолжает сохранять, хотя и в более ограниченных масштабах, свое природное адаптивное содержание по созданию приспособлений к физическим условиям порой очень контрастных эколого-географических районов планеты, выработке иммунитета к патогенным агентам, вредным воздействиям искусственно создаваемой среды. Процессы такой адаптивной специализации осуществляются обычными механизмами биологической эволюции, корректируемыми социальными факторами.

Филогенетическая история человечества условно разделяется на три основных периода: ответвление гоминидной линии от общего ствола приматов и дивергентное развитие многочисленных ее кластеров до возникновения рода *Homo*

с появлением первого человеческого вида (*Homo habilis*), дальнейшая эволюция гоминид до возникновения человека современного физического типа (*Homo sapiens*) и его последующие преобразования на уровне микроэволюции. Этот процесс, невзрачный в геологическом масштабе времени и гигантский по своим последствиям для биосферы, еще далеко не доступный для полного представления в перспективе, является предметом обширной и сложной области научного познания, именуемой эволюционной антропологией.

Таким образом, эволюционная антропология — *самостоятельная отрасль эволюционной биологии, которая изучает структуру популяций семейства гоминид как единиц их исторических преобразований, генетико-экологические факторы, движущие силы и закономерности этого процесса, начиная с первых стадий гоминизации и по настоящее время.* Эволюционная антропология является, с одной стороны, отраслью биологии, отражающей в себе многие направления в познании живой природы, с другой — специфической наукой, связанной с изучением происхождения и последующего развития уникального вида, воплотившего в себе биологическую природу и социальную сущность. В этом своеобразии данной науки отчетливо видна традиция разделения объекта и предмета научного познания. Как объект научных исследований человек предстает в необозримом диапазоне своих биологических и социальных качеств, которые в отдельности составляют предмет специальных дисциплин. К их числу относится эволюционная антропология со своим специфическим предметом, задачами и методами.

Накопление антропологических знаний с элементами эволюционизма (с древности до середины XIX в.)

Объединение в человеке двух начал — биологического и социального — создает определенные трудности в истолковании не только самого предмета антропологии, но и в изложении ее истории. Скажем, если историк математики определяет «старт» своей области знания с алгебры Пифагора или геометрии Евклида, он вполне определенно может очертить границы начала математики и определить точную датировку ее исторического зарождения. В отношении истории антропологии все обстоит значительно сложнее.

Общие представления о феномене человека. Термин «антропология» складывается из двух греческих слов: «антропос» (человек) и «логос» (идея) и означает буквально «наука о человеке». Авторство его приписывается Аристотелю (Рогинский, Левин, 1978). С именами Платона и Аристотеля, с одной стороны, Демокрита и Эпикура с другой, связывается изначальное разделение философии на идеалистическую и материалистическую, отраженное фактически во всех областях естественнонаучного знания. Во всей последующей истории эти две линии распадались на многочисленные направления, различающиеся резким противопоставлением, относительно мирным сосуществованием, переплетением в различных вариантах, отмиранием старых и появлением новых учений.

Такая общая раздвоенность, пестрота и смена концепций весьма характерны для истории антропологических знаний, что неудивительно, поскольку почти во всех метафизических системах присутствовала та или иная трактовка сущности человека, его места в мироздании, происхождения, предназначения. «Человек

есть мера всех вещей», — произнес в древности Протагор, и это изречение стало своего рода эпиграфом и лозунгом многих философских течений.

Вполне отчетливо двойственное (дуалистическое) представление о человеке излагается в трудах Аристотеля. Человек — это родственник животных со всеми присущими ему функциями «физической души» (питания, размножения и т.д.), но люди выделяются из животного мира своими сугубо человеческими качествами: двуногим хождением, уплощенной грудью, более длинным плечом в сравнении с предплечьем и более длинным бедром, чем голень, плоским и укороченным лицом, изменчивой окраской глаз, неподвижной ушной раковиной. И все же главное у Аристотеля — это духовное начало в человеке, его ощущения, чувства, мышление, общение, те признаки, которые олицетворяют «душу разумную», и в таком толковании человек предстает животным общественным (зоон политикон). Отсюда основной претендент на познание человека — это наука о «душе разумной», т.е. психология.

Заложенная Аристотелем традиция в понимании человека как особого существа — мыслящего и социального, а тем самым отделенного пропастью от всей живой природы, целенаправленно развивалась на протяжении многих веков под эгидой религиозной идеологии. В 1594 г. появляется сочинение Касмана «Антропологическая психология, или учение о человеческой душе», само название которого отражало его идейное содержание в духе аристотелевской традиции. Философ И. Кант в своей «Антропологии» (1798) писал о примате духовных качеств в человеке, о том, что в нем еще в зародыше заложен разум, и раскрытие этой идеи прачеловека в историческом развитии воплотилось в гомо сапиенсе.

Тенденция усматривать качественные особенности человеческого существа прежде всего, а то и абсолютно, в духовной сфере продолжается до сих пор в многочисленных трудах философов, антропологов, писателей — создателей и сторонников экзистенциализма, разных его прошлых и современных модификаций, других близких течений. Понятно, что к физической антропологии все мыслительные и художественные их творения никакого отношения не имеют.

С другой стороны, как отмечалось, уже в древности зарождается материалистическое представление о человеке как о существе, созданном самой природой по законам ее структуры, функционирования и развития. Конкретизация такого представления в исследовании морфологии человеческого организма, его индивидуальной изменчивости и эволюции человеческого вида в целом во времени и пространстве составила основу собственно антропологической науки.

Характеристика элементов эволюционизма. Принципиальные основы научной теории эволюции, как известно, впервые выдвинул Ч. Дарвин в знаменитом труде «Происхождение видов» (Darwin, 1859), где в логически стройной форме была представлена система взглядов на движущие силы исторического развития живой природы — взаимодействие законов наследственной изменчивости, борьбы за существование и естественного отбора. Тем самым в один концептуальный блок были взаимосвязаны сам факт эволюции и ее причинная (объективная) обусловленность.

Предшествующий период отмечался разрозненными представлениями об отдельных проявлениях феномена эволюции, получившими название «элементов эволюционизма» (Поляков, 1941). Временные рамки этого периода И.М. Поляков ограничивал XVII–XVIII вв., характеризуя его высказываниями отдельных

натуралистов и философов, отступавших от господствовавшей идеи о неизменяемости природы. «Только в очень редких случаях такие высказывания несли в себе элементы подлинного исторического подхода к природе, в большинстве же случаев они содержали истолкование того или иного явления или его отдельных сторон, не затрагивая общего убеждения в неизменяемости и изначальной целесообразности всего сущего» (Поляков, 1972, с. 104). В числе элементов эволюционизма Поляков называет следующие:

- допущение изменяемости видов под действием внешней среды, упражнения и неупражнения органов, гибридизации;
- идея о естественном генеалогическом единстве организмов и происхождении их от общего предка;
- мысль о факторе времени в историческом изменении видов со ссылками на ископаемые остатки;
- идея последовательности форм, отраженная в «лестнице существ», частично обоснованная положением о параллелизме стадий эмбрионального развития и ступеней усложнения животного мира;
- идея «прототипа» и единства плана строения различных организмов;
- представление о возможности резких превращений одних форм в другие на стадиях индивидуального развития;
- идея возникновения живых существ путем самозарождения;
- мысль о естественном возникновении адаптации к среде (органической целесообразности).

К систематизированным Поляковым материалам следует привести три комментария. Во-первых, временные рамки додарвиновского периода автором явно заужены, поскольку еще в античной натурфилософии прослеживаются мысли, вполне квалифицируемые в духе элементов эволюционизма, в том числе и в области антропологических знаний. Во-вторых, список элементов эволюционизма можно увеличить таким существенным дополнением, как идея о борьбе организмов и отборе более приспособленных, которая не только обнаруживается в текстах античных мыслителей, но и осуществлялась в евгенической практике санации населения путем элиминации неполноценного потомства. В-третьих, высказывания, содержащие в себе элементы исторического подхода, не были такими уж редкими, ими наполнены сочинения многих натуралистов и философов в столетний период до появления дарвиновской концепции.

Зарождение и развитие антропологических знаний. Оставив в стороне наивные и нередко фантастические рассуждения древних материалистов о человеке, напомним о первых шагах по накоплению научного антропологического материала, в котором содержались и элементы эволюционного мышления. В то далекое время этот информационный процесс, естественно, носил разрозненный характер, проявлялся эпизодически в самых разных областях: медицине, практике бальзамирования, скульптурном творчестве, географических путешествиях, исторических и этнографических описаниях населения разных регионов.

Ближе всего к истокам антропологических знаний находились врачи, которые изучали человеческий организм не только с точки зрения патологической, но и нормальной анатомии организма и отдельных его частей. Основоположник античной медицины Гиппократ, видимо, впервые прозорливо усмотрел некое единство телесной и психической субстанций, выдвинув знаменитое учение, в кото-

ром четыре типа темпераментов ассоциировались с «соками» человеческого тела: преобладание крови порождает сангвиников, желтой желчи — холериков, черной желчи — меланхоликов, слизи — флегматиков. Примечательно, что выделение психологических типов Гиппократом в связи с анатомо-физиологическими характеристиками положительно оценивалось, в частности, И.П. Павловым (1951) и до сих пор воспринимается в обыденном сознании, поскольку отражает наблюдения над характерами людей и не так уж далеко от истины в своей простоте.

Надежным способом научного познания анатомии человека была вивисекция, проводимая на животных в силу строгого запрета на рассечение человеческих трупов. Зарождение этого направления в изучении морфологии человека связывают с именами Алкмеона Кротонского и особенно римского врача и анатома Клавдия Галена, широко внедрившего сравнительный метод в антропологические исследования. Гален интересен тем, что в европейской науке он впервые обратил внимание на близкое сходство человека и обезьяны. В то время на юго-западе Европы еще обитала маленькая обезьянка *Inuus ecaudatus*, которая послужила Галену основным объектом для сравнительного с человеком изучения костей, суставов и мышечной системы.

Особо выделил Гален полифункциональное использование руки, с которым несравнима передняя конечность обезьяны, и связал эту особенность с высоко развитым интеллектом: «...поскольку человек является умнейшим животным, постольку и руки являются органами, приличествующими разумному существу; не потому он умнее остальных животных, что обладает руками, как это говорил Анаксагор, а потому-то и обладает ими, что разумнее всех, как это совершенно правильно установил Аристотель» (Цит. по: Лункевич, 1939, с. 165–166).

Врач-материалист Гален в то же время придерживался идеалистически телеологического мировоззрения, утверждая, что органы человеческого тела созданы богом в наиболее совершенной форме для выполнения предназначенной цели. Приведенная выше его ссылка на Аристотеля, выдвинувшего известный принцип конечных причин (*causa finalis*), является дополнительным подтверждением этому. В данной связи высоко оценивал Галена Ж. Кювье — один из последних официальных столпов телеологического мышления среди естествоиспытателей первой половины XIX в. Высокую оценку дал Галену и антрополог-материалист Т. Гексли, но уже за размышления по поводу естественного происхождения человека (Там же, с. 161). Замечателен ответ Галена на поставленный им же вопрос «*cur bipes homo fuit?*» (почему человек стал двуногим?): руки имеются лишь у человека, и только он один среди других животных стал прямоходящим и двуногим, так как владеет руками для выполнения своих целей. Здесь уже ясно высказана мысль о том, что освобождение передних конечностей от функции передвижения стало условием перехода к прямохождению, которая воспринимается как предвосхищение представлений о естественном происхождении человека.

В русле сравнительно-анатомического изучения человека и животных находились вивисекционные исследования древнегреческих врачей Герофила и Эразистрата, которые производили вскрытия человеческих трупов и даже живосечения на преступниках.

Сравнительные наблюдения и эксперименты античных ученых и врачей наглядно показали близкое сходство в строении организмов человека и животных, продемонстрировав тем самым один из элементов эволюционизма, хотя, конеч-

но, они были далеки от мысли связать их генеалогическим родством, т.е. происхождением от общего предка. Скорее это был даже не элемент эволюционизма антропологического содержания, а его прообраз, но для того времени весьма прозорливый.

Другое предвосхищение связи человека с остальным миром содержится в сочинении Аристотеля «О частях животных», в котором он развивал идею о ступенчатом расположении материальных объектов от минералов, растений, животных и до человека включительно. По мнению философа, эти ступени не связаны между собой каким-либо родством. Представление об их последовательности, отражающее разные уровни организации творений природы, позднее легло в основу так называемой «лестницы существ» (Г. Лейбниц, Ш. Боннэ). Идея об иерархическом построении заключала в себе допущение о возможности прогрессивного развития живой природы, одним из промежуточных этапов которого было человеческое существо.

Таким образом, воззрения античных мыслителей в опосредованной форме содержали, по крайней мере, два элемента антропологического эволюционизма: идею о морфологическом и анатомическом сходстве человека с высшими животными, в том числе с обезьянами, и положение об иерархическом построении биологической системы в зависимости от уровня организации, в которой человек занимал наивысшую инстанцию.

К вивисекции примыкает искусство бальзамирования, особенно развитое в Древнем Египте, возможно, имевшее место и в более ранних захоронениях первобытных людей. Несомненно, что бальзамирование не могло обходиться без соответствующих знаний анатомии человека и без учета физиологических процессов разложения трупов.

Поражающая реалистичностью и красотой скульптура античного времени также сохранила для поколений представления ее создателей о строении человеческого тела. Хотя этот праксис не имел прямого отношения к антропологии и тем более элементам эволюционизма в ней, упоминание о нем свидетельствует о прикладном использовании антропологических знаний под впечатлением, возникающим при созерцании естественной природы человека и изображения его подобия в скульптурном портрете.

Наконец, географические путешествия и военные походы за пределы античных государств открывали мир других народов, описания внешнего облика и быта которых знакомили с расовым и этническим разнообразием человеческого населения. Памятные документы оставил древнегреческий историк Геродот при посещении черноморского побережья Кавказа (Колхиды) и северного Причерноморья. Жители Колхиды (предки грузин), по описанию Геродота, темнокожи и курчавы, что характерно и для соседних с ними народов. Обитатели пространной области между верхним Доном и средним течением Волги весьма многочисленны, голубоглазы и светловолосы. Исторические сообщения такого рода являются документальными источниками о географо-экологическом расселении определенных антропологических типов в истории европейских этносов. По известным причинам они не могли быть связаны в то историческое время с представлениями о влиянии климата, особенностей питания, образа жизни на расово-этнический состав населения, тем не менее наталкивали на мысль о возможном действии этих факторов в его формировании.

Необычайный расцвет материальной и духовной культуры в античную эпоху остается загадочным феноменом, непревзойденным сколько-нибудь значительно в последующие полторы тысячи лет. Общепринято мнение, что на протяжении этого огромного для истории цивилизации периода основными сдерживающими факторами общественного прогресса во всех его формах было варварство, господство консервативных феодальных отношений, идеологическое и физическое угнетение со стороны официальной церкви. Негативное влияние этих факторов бесспорно, тем более когда идет речь о человеке, духовный мир которого остается закованным в каноны религиозного мировоззрения, определяемого паразитическим образом существования его адептов. Яростное гонение фанатиков католической церкви отразилось на печальной судьбе итальянского философа Лючилио Ванيني, который был сожжен на костре за высказанную в сочинении «О достойных удивления тайнах природы, царицы и богини смертных» (1616) идею о родстве человека и обезьяны — уже четко выраженный элемент антропологического эволюционизма.

В период Возрождения окончательно формируется двойственное представление о феномене человека и, соответственно, понимание науки о нем: одни авторы трактуют антропологию как науку о человеческом теле, другие — как о человеческой душе. Для обозначения и описания физического строения человека термин «антропология» употребляется в названии и тексте книги Магнуса Хундта «Антропология о достоинстве, природе и свойствах человека и об элементах, частях и членах человеческого тела» (1501). В сочинении итальянца Галеаццо Капеллы «Антропология, или рассуждение о человеческой природе» (1533) уже приводились данные об индивидуальной изменчивости человеческого организма. Появлялись в печати и компромиссные варианты, например, анонимное сочинение на английском языке «Отвлеченная антропология, или идея о человеческой природе, отраженная в кратких философских и анатомических выводах» (1655), в котором автор пытался объединить собственно антропологическую и психологическую трактовки человека.

С эпохи Возрождения в разных областях биологии, прежде всего в сравнительной анатомии и физиологии, начинает интенсивно накапливаться материал, извлекаемый из природы под лозунгом восхищения перед интеллектуальной мощью Человека. Особенно выделяется трактат А. Везалия «О строении человеческого тела» (1543), изданный в семи томах и содержащий богатейший для того времени и оригинальный материал по анатомии человека. Появление труда Везалия было настолько эпохальным, что даже его учитель Я. Сильвиус назвал это выступление «безумным». Кроме новаторского описания отдельных органов, костей, мышц, нервов и других частей человеческого организма, вклад выдающегося анатома в антропологию заключался еще и в том, что он связал структурные элементы тела с их функциями, т.е. по существу поставил вопрос об органической целесообразности и пытался ответить на него с научных позиций. Высказывается даже мнение, что по данному вопросу Везалий явился чуть ли не предтечей Ч. Дарвина, но в условиях низкого уровня науки не мог объяснить данную целесообразность «длительным эволюционным развитием животного мира», и все же он сделал «один из первых шагов к пониманию эволюционной теории» (Чикин, 1990, с. 99). Оставим данный вывод без историко-критических комментариев, но в целом в нем есть доля истины.

Анатомическими исследованиями человека с успехом занимались Евстахий, Фабриций, Фаллопий, именами которых названы открытые ими внутренние органы, и эти названия до сих пор сохранились в академической и прикладной науке. Исследования этих и других ученых в области биологического человекознания в период Возрождения не имели прямого отношения к антропологии как науке, изучающей закономерности изменчивости человеческого вида, но они обогащали фактическим материалом изучение морфологического строения человеческого организма.

К ученым той эпохи присоединились великие художники, творения и этюды которых наполнены изображениями человеческого тела и его частей. Так, Леонардо да Винчи на примере художественного творчества, возможно, впервые применил статистический подход в оценке изменчивости частей человеческого тела, когда изображал серию вариантов их строения и в качестве нормы выбирал средний. На его рисунке руки человека рядом с передней конечностью обезьяны сделан явный намек на гомологичное строение этого органа у весьма различающихся по внешнему облику организмов, из чего логично напрашивался вывод об их генеалогическом родстве.

Развитию анатомии и морфологии человека способствовали сравнительные исследования животных, в том числе высших обезьян (шимпанзе, орангутана), которые стали использоваться в качестве научного материала, до того малодоступного и потому крайне редкого. В этом отношении, пожалуй, пионерской была книга англичанина Э. Тайсона «Анатомия пигмея в сравнении с таковой маленькой обезьяны, крупной обезьяны и человека» (1699), посвященная детальному описанию анатомического и морфологического строения шимпанзе. «Пигмей» назывался также «орангутаном» и «лесным человеком» или «диким человеком». Свободное манипулирование такими словосочетаниями свидетельствовало о крайней слабости знаний о систематике высших обезьян и их связи с человеком, но рассуждения автора интересны тем, что антропоидов он помещал между человеком и остальными животными в качестве связующего звена. «Поистине человек есть отчасти зверь, — писал Тайсон, — отчасти ангел; он есть звено в творении, соединяющее того и другого» (Цит. по: Рогинский, Левин, 1978, с. 163). Такие высказывания перебрасывали мост от животных к «венцу творения» — человеку в той связующей форме, которая отсутствовала в иерархической системе (лестнице существ) со времен Аристотеля, т.е. содержали в себе явный элемент эволюционного мышления.

Великие географические экспедиции в XV–XVI вв. и последовавшая затем колонизация Индии, Океании, Нового Света и других экзотических регионов открыли европейцам мир, населенный невиданными ранее народами, расширили представления о более богатом расовом составе человечества, известном по скудным описаниям ранних историков. В этих путешествиях собирался уникальный материал по анатомии и образу жизни приматов, прокладывавший путь к выяснению их родственной близости к предкам человека (англичане Пуркас и Тайсон, голландец Тульпиус).

С момента публикации названных выше научных трудов периода Возрождения (XVI–XVII вв.) можно вести отсчет становления морфологии человека. В них содержались элементы и эволюционных представлений об анатомическом сходстве человека с ближайшими ему родственниками — высшими антропоид-

дами, вполне допустимом их происхождении от общего предка, о человеке как завершающем и наиболее прогрессивном звене в цепи переходных форм от низших животных к более сложно организованным.

Становление антропологической систематики. С начала Возрождения интенсивно развивается описательная зоология и ботаника, накапливаются сведения об огромном разнообразии живых существ не только по индивидуальным и групповым различиям в морфологическом строении, но и в особенностях размножения и местообитании. Для приведения в систему описательного материала необходимо было определиться с категориальным аппаратом. «Предметы различаются и познаются при помощи их методического деления и подобающего наименования, а потому деление и наименование составляют основу нашего знания», — писал создатель первой научной классификации организмов К. Линней (Всемирная история, 1958, с. 698).

Основной единицей систематизации стало понятие вида, предложенное Д. Реем (Ray, 1693), по определению которого вид есть наиболее мелкая совокупность организмов, сходных морфологически, совместно обитающих и дающих подобное себе потомство. Таким образом, были выделены три из главных критериев вида, признаваемых в современной систематике: морфологический, экологический, генетический. Благодаря определению вида систематики получили «инструмент», которым они могли пользоваться для построения классификаций и приблизиться к созданию естественной системы организмов. Описательная систематика становится одним из приоритетных направлений в развитии биологии до середины XIX в., вовлекла она в свою сферу и определение таксономического положения человеческого вида.

Новаторским и, можно сказать, революционным шагом в создании антропологической таксономии явился труд К. Линнея «Система природы», в десятом издании которого (Linnaeus, 1758) впервые наиболее полно и научно, с применением новой таксономической терминологии, определяется место человеческого вида в зоологической систематике. Общая антропологическая система Линнея выглядит так: класс четвероногие (Quadrupedia) = отряд приматы (Primates) = семейство гоминоиды (Hominoidea) = род человек (Homo). Предложенные категории: отряд приматов и четыре составляющих его рода — человек, обезьяна, лемур, летучая мышь — демонстрировали родство человека с животными и в то же время его самостоятельность на уровне рода¹.

Надо отдать должное проницательности и смелости Линнея в том, что он поместил человека в общую зоологическую систематику без каких-либо особых привилегий. В род Homo он включил два вида: *человек разумный* (Homo sapiens) и *человек-животное* (Homo troglodytes). Более того, даже орангутана он считал необходимым зачислить в близкие родственники человека, определив его в своей системе высших приматов как Homo silvestris — *человек лесной*.

Троглодит представлялся Линнею в виде пока еще не обнаруженного в природе существа, весьма сходного с сапиенсом в прямохождении, однако лишенного речи, покрытого волосами, ведущего ночной образ жизни и потому названно-

¹ Новаторство К. Линнея в создании антропологической систематики было подтверждено на русском языке отдельным изданием: «Карла Линнея рассуждения о человекообразных» (1777).

го «сатиром», в соответствии с аллегорическими традициями, идущими еще от Средневековья. Примечательно и то, что это существо, напоминающее обезьяно-человека, по мнению Линнея, обитает и поныне, о чем якобы свидетельствовали голландские путешественники, встречавшие его на островах Индонезии.

Такие представления не следует воспринимать как фантастический вымысел великого натуралиста, подобно современным легендам о «снежном человеке». Для того времени это была своего рода гениальная догадка, которая в образе троглодита (дословно — пещерного человека) «наводила мост» между человеком и его животным предком. Включив троглодита вместе с сапиенсом в род *Номо*, Линней как бы конструировал живую модель переходного звена. Официальное признание креационизма не позволило ему сделать шаг в сторону хотя бы трансформистского утверждения о превращении троглодита в сапиенса, не говоря уже об эволюционном характере происхождения человека разумного.

Как сторонник идеи изначального постоянства видов, Линней, тем не менее, допускал возможность их возникновения путем гибридизации, естественно, исключая таковую для видов рода *Номо*. Вместе с тем у него встречаются проблемски идеи о том, что сходные виды «некогда произошли от одного единственного вида», и далее он писал: «Каким образом один из этих видов произошел от другого, объяснит нам будущее» (Там же). Линней был убежден, что последующие поколения по достоинству оценят его вклад в создание общей методологии для построения системы живой природы. Нет прямых документальных подтверждений, но имеются предположения, что последовавшие более чем через столетие выступления первых антропологов-эволюционистов, а также поиски недостающего звена — обезьяно-человека, были навеяны линнеевским определением положения человеческого вида в отряде приматов (Поршнев, 1974).

В составленной И. Жоффруа Сент-Илером (Geoffroy Saint-Hilaire, 1854–1862) сводной таблице различных определений места человека в зоологической системе его ранг характеризовался от вида до «царства». Ранее в отдельный отряд выделил человека И. Блуменбах (1796; Blumenbach, 1798), в отдельный класс К. Карус (1867). Одним из главных компонентов природы считали человеческое сообщество Ш. Бонне (Bonnet, 1764; Боннэ, 1804), Ф. Вик д'Азир (Vicq d'Azur, 1792) и другие антропологи, анатомы, философы. Такие разночтения объясняются тем, что одни авторы строили классификации на анатомических и морфологических признаках в соответствии с принципами зоологической таксономии, другие охватывали весь комплекс человеческих свойств, включая и социальные, и потому возводили человека в особое «царство» — *regnum hominis*. В любом случае прямо или косвенно обращалось внимание на сходство в строении и даже на генеалогическую связь человека с животными, отражая тем самым один из элементов эволюционизма.

Эволюционная тематика в антропологии и этнографии (вторая половина XVIII — начало XIX вв.). В указанный период все большее внимание проявляется к вопросам, связанным с общебиологической и философской интерпретацией феномена человека и человечества в рамках антропологических и этнографических знаний.

До середины XIX в. преобладающими оставались представления о неизменности видов, их происхождении актами творения или прочими вымышленными неестественными силами (креационизм). В духе креационистского мировоз-

зрения подавался ответ и на вопрос о происхождении человека. Существенным тормозом для развития эволюционных взглядов, в том числе по данному вопросу, оставалось закостенелое представление о «лестнице существ», на верхних ступенях которой последовательно размещались летучая мышь, низшие обезьяны, орангутан, человек.

В сочинении Ж. Робинэ «Философские соображения о естественной градации форм бытия или природы, учащейся создать человека» (1768) этот ряд пополнился реальными видами других обезьян (мандрил, шимпанзе) и вымышленными формами, близкими к современному человеку (лесной человек, ночной человек, троглодит, сатир). Рассуждения философа привлекают тем, что животных он рассматривал в качестве неудачных экспериментов по созданию наиболее совершенного существа — человека (Робинэ, 1935).

Некоторые ранние эволюционисты не смогли распространить свои взгляды в отношении факторов исторических изменений животных на человека, в силу непризнания родственной связи между ними. Так, Ж. Бюффон, придавая значение влиянию климата, пищи, гибридизации на формообразование у животных, не допускал их действия на человеческий вид, поскольку вообще отрицал существование переходных форм между обезьяной и человеком (Цит. по: Канаев, 19).

Некоторые проблески антропологического трансформизма встречаются у Д. Монбоддо в сочинении «О происхождении и прогрессивном развитии языка» (Monboddo, 1773), где идея развития распространяется на онтогенез в соответствии с широко принятым толкованием слова «эволюция» в этом первоначальном его значении (Ш. Бонне). После рождения, рассуждал автор, ребенок по многим чертам напоминает животное и лишь постепенно он становится человеком. Известны также одичавшие люди, которые показывают пример обратного развития (инволюции). Подобная аргументация была далека от научного объяснения антропогенеза, однако имела некоторую ценность для обнаружения связи между онтогенезом и филогенезом, которая несколько позднее исследовалась на животных (К. Бэр, И. Меккель) и в итоге привела к формулировке «основного биогенетического закона» — онтогенез есть краткое и сжатое повторение филогенеза (Haeckel, 1866).

В трактате «Об уме» (1758) философа-материалиста К. Гельвеция привлекают рассуждения о значении потребностей в развитии обезьян и человека. Обезьяны имеют меньше потребностей и потому менее изобретательны, запуганы хищниками и потому более подвижны, что оставляло мало времени для скуки — этого великого условия и источника «совершенствования человеческого ума». Так своеобразно материалист Гельвеций представлял решающую роль социальной среды в формировании интеллекта и человеческой личности.

Целый компендий оригинальных мыслей с элементами эволюционизма представлен в сочинении И. Гердера «Идеи к философии истории человечества» (Herder, 1784–1791), в котором развивалась концепция развития общества и природы в их взаимосвязи. Автор выдвигает и аргументирует положение о том, что прародиной человека была Азия с ее разнообразным геоморфологическим ландшафтом, прежде всего наличием горных массивов и их удаленности от морских акваторий: «Одним словом, горы это и первое местожительство человека на Земле, и кузница переворотов и потрясений, и очаг сохранения человеческой жизни» (Гердер, 1977, с. 29). Не будем комментировать вторую часть фразы

о переворотах и потрясениях, но в первых словах идея географического центра антропогенеза выражена достаточно определенно.

Возникнув в горных регионах Азии, человеческие сообщества расширяли границы своего первоначального ареала, «снимались с насиженных мест и открывали для себя широкие просторы земли», двигались вдоль рек, оседали на плодородных долинах и морских побережьях. Однообразие физических условий африканских пространств, продолжал Гердер, породило сходство ее населения, а многообразие ландшафтов Европы, напротив, способствовало этнической дифференциации на этом материке. Происхождению и прогрессивному развитию человечества благоприятствовали климатические условия умеренной зоны. Реки, горные цепи, моря оказались эффективными физическими барьерами для этногенеза и естественными границами между народами, странами, языками, образом жизни. Во многих выдвинутых Гердером положениях закладывались основы учения о географическом детерминизме общественного развития.

Эколого-географические условия жизни, как глубоко подметил Гердер, влияют на физический тип человека («органическое строение народов»): население полярных регионов отличается плотным телосложением, грацильные формы — преобладают там, где «живут изящно сложенные народы» (Индия, Греция, страны Африки, Океании, Америки).

Этнографические и антропологические рассуждения приводят Гердера к оригинальному выводу о необходимости начертания «физиогномики человечества», завершением которой, на понятном нам языке, будет создание антропологической карты всей Земли.

Как представитель эпохи Просвещения и гуманизма, Гердер обращает особое внимание на биологическое единство человеческого вида и его способность адаптироваться к разнообразным условиям среды. Он против деления народов по расовым особенностям и отстаивает положение о постепенных переходах между ними по антропологическим и расовым признакам, в своем генезисе обусловленных «физико-географической историей человечества», которая подлежит специальным исследованиям для народов, проживающих в различных климатических зонах и в разные эпохи. В идее о постепенных переходах между антропологическими типами (географической расовой изменчивостью) зарождался популяционный подход в понимании структуры человеческого вида.

Наконец, совершенно оригинальны рассуждения Гердера по поводу этических отношений между человеком и животными: «...в известном жизненном кругу люди и животные росли и складывались вместе; практический рассудок людей выиграл благодаря животным, а способности животных возросли и окрепли благодаря людям» (Там же, с. 210). О влиянии человека на развитие психических способностей домашних животных, в частности, на примерах дрессировки, известно давно. Много десятилетий спустя после этих рассуждений Гердера поднимался вопрос о том, насколько эффективной была обратная связь — влияние приручения и domestikации животных на эволюцию психики людей и даже на их морфологию. Как видим, Гердер поставил этот вопрос очень четко и ответил на него вполне определенно.

Во многом аналогичные, но не столь глубокие и оригинальные высказывания по поводу антропологической и этнографической тематики, имеются в сочинениях И. Канта. Как гуманист, он отстаивает положение о биологическом

единстве человеческого вида, ссылаясь, в частности, на межрасовые браки с оставлением нормального потомства. Отсутствие генетической межгрупповой изоляции внутри вида («принцип Бюффона») дает основание для утверждения: «Согласно этому мнению, все люди на всем пространстве земли принадлежат к одному и тому же естественному роду» (Кант, 1964, с. 445).

Специально останавливается Кант на обсуждении вопроса о влиянии климатических условий и пищи на изменчивость физического типа у человека. Известны его замечания о том, что темная кожа и курчавые волосы у представителей негроидной расы являются приспособлениями к интенсивному солнечному облучению. Он правильно обратил внимание на роль физических условий и питания в расообразовании, но в соответствии с идеалистической позицией, согласно которой развитие есть развертывание «природных задатков», присущих человеческому виду изначально «для жизни во всех климатах и на любой почве» (Там же, с. 453), не смог подняться до научного понимания проблемы происхождения человека.

Нельзя не обратить внимание на идею Канта о «прачеловеке», в котором воплощены все человеческие задатки, в более совершенной форме реализованные в последующем историческом развитии. Освобожденная от субъективно-идеалистического истолкования эта мысль философа напоминает о нескончаемых до сих пор дискуссиях вокруг понятия «пресациенса» как переходной ступени от непосредственного предка к человеку разумному.

В более общем контексте идея «прачеловека» перекликается с концепцией архетипа — некоего изначального плана строения, активно развивавшаяся морфологами и палеонтологами (Канаев, 1963, 1966). Возникшая в древности, эта концепция представлялась в XVIII в. размышлениями Д. Хантера, Д. Дидро, Ж. Робинэ, Э. Жоффруа Сент-Илера. Морфологическое сходство животных включало в круг обсуждения и человека. Так, ссылаясь на исследования П. Кампера, Дидро утверждал, что от одного общего прототипа через анатомические трансформации можно построить ряд «человека до аиста» (Поляков, 1972, с. 113). Предпринимались попытки объединить принцип универсального природного единства человека даже с растениями, что отразилось в сочинении французского геолога Ж.К. Деламетри с характерным названием «Человек-растение» (1748).

Позднее идею прототипа применительно к человеку пытался провести с геологических позиций швейцарский палеонтолог Л. Рютимейер (1856), который в платоновском духе представлял божественное творение человека в виде воплощения изначального плана. Подобные представления воспринимались не более как отголоски несерьезного подхода к решению сложной и общественно значимой научной проблемы.

В ходе развития исследований морфологии человека и познания расового многообразия человечества накапливались данные для формирования специального раздела антропологии — расоведения. В числе его основных направлений следует назвать создание классификаций человеческих рас, изучение антропологического состава народов мира, дискуссии о монофилетическом или полифилетическом происхождении рас, географических центрах их формирования, выяснение факторов расообразования.

Простого наблюдения или знакомства с этнографическими описаниями путешественников и миссионеров было достаточно, чтобы составить представление

о различиях людей по цвету кожи, волос, глаз, форме волос, носа, ширине лица и другим внешним признакам. Именно на таком эмпирическом материале строились первые классификации рас Ф. Бернье (1684) и К. Линнеем (1758). Выделение ими трех основных рас (европеоидной, монголоидной, негроидной), к которым позднее Т. Гексли (Huxley, 1870) добавил австралоидную расу, в самой укрупненной форме отражало расовую структуру человечества и сохранилось до сих пор.

На фоне многовекового господства доктрины о божественном происхождении человека диссонансом звучали голоса ученых и философов-материалистов о естественной природе этого исторического процесса. Однако они не носили характер концептуально оформленного выступления. До XIX в. проблема человека и его происхождения оставалась в области, недоступной еще сколько-нибудь глубокому осмыслению. Впервые она была поставлена и объяснялась в относительно систематизированной форме Ж.Б. Ламарком.

Симиальная концепция Ж.Б. Ламарка. Истоки зарождения одного из основных направлений эволюционной антропологии — теории антропогенеза — нисходят к выдвинутой Ж.Б. Ламарком (Lamarck, 1809) симиальной концепции происхождения человека (от лат. simia — обезьяна). Его следует считать автором, но не основоположником данной концепции в принятом значении этого слова, поскольку выдвинута она была в содержательной, но слабо аргументированной и фрагментарной форме. Возможно, по этой причине в исторических экскурсах о провозвестниках идеи происхождения человека от обезьяноподобных предков рассуждения Ламарка по данной проблеме рассматриваются без достаточно пространный анализа.

Впервые идея о происхождении человека под воздействием естественных законов эволюции была высказана в работе «Исследования организации живых существ» (Lamarck, 1802) и затем в несколько более развернутом виде в знаменитой «Философии зоологии» (Lamarck, 1809).

Господство креационистской идеологии и давление церковных институтов власти, особенно в трактовке феномена человека, его творения, его способностей и возможностей, породили компромиссное решение в противостоянии научного и консервативного мышления в виде деизма — относительно мирного сосуществования «истины науки и истины веры». Отчетливое выражение это вынужденное соглашение нашло в эволюционной концепции Ламарка, логическим следствием которой явилась симиальная гипотеза антропогенеза.

Во вступительной статье к изданию классического труда Ламарка «Философия зоологии» В.Л. Комаров замечает, что его содержательный анализ «был бы не полон, если бы мы забыли отношение Ламарка к вопросу о происхождении человека» (1935, с. XLIX), и далее кратко напоминает суть этого отношения. Справедливо отмечается первенство Ламарка в выдвижении идеи о происхождении человека от древесного четверорукого животного, родственного с обезьянами. Такое мнение указывает на приоритет Ламарка в утверждении представления о том, что человек произошел не от обезьяны непосредственно, а от *обезьяноподобного* предка, на чем настаивал позднее Дарвин.

Свои взгляды о животном происхождении человека Ламарк не представил в сколько-нибудь систематизированном изложении, посвятив этой проблеме 32 страницы текста в четырех разных по тематике публикациях. Кроме двух указанных выше работ, замечания Ламарка о феномене человека, начальных ста-

дях антропогенеза и последующей эволюции гоминид встречаются еще в двух сочинениях (Lamarck, 1815–1822, 1820).

Следуя традиции, исходящей от Линнея, Ламарк составляет собственную таксономическую схему под названием «Таблица распределения и классификации животных» по принципу последовательного усложнения организации (принцип градации). В этой схеме конкретного места человеку не нашлось, что объясняется, видимо, деистической позицией, нежеланием идти на конфликт с креационистами. В отношении таксономического статуса Ламарк ссылается на мнение обезличенных натуралистов, выделивших человека в особый род, руководствуясь при этом «исключительно с точки зрения его организации» (Ламарк, 1935, с. 271).

Выделенный Линнеем род Номо Ламарк возводит до отдельного семейства под названием «двурукое», характерными признаками которого являются раздельные конечности с ногтями, противопоставленный только на руках большой палец, три типа дифференцированных зубов.

Свои рассуждения по поводу систематики и антропогенеза Ламарк скромно обозначает как «несколько замечаний относительно человека». Он начинает с указания на то, что все без исключения признаки организации человека, на основании которых все представители Номо (человеческие расы) объединяются в одно семейство, есть результат длительных изменений в «его действиях и усвоенных им привычках» (Там же, с. 272). Далее следуют несколько тезисов, начинающихся словами «допустим» и «предположим», указывающими на вполне объяснимую гипотетичность рассуждений автора.

В соответствии с традиционными представлениями о человеке как «венце творения» Ламарк поместил его на вершину лестницы существ, но уже четко заявил, что выдвинутый им закон градации форм есть проявление внутреннего стремления всех животных достичь этого прогрессивного совершенства, которого и достиг человек. Он нарисовал картину начальных стадий антропогенеза, которая в общих чертах принимается и по настоящее время.

Исходным предком гоминид предполагалось «четверорукое» высокоразвитое существо, которое спустилось на землю и постепенно превратилось в двурукое существо, способное к хождению на двух ногах. Этот процесс осуществлялся, по Ламарку, теми же факторами, что и эволюция животных с нервной системой: потребности вызывали формирование устойчивых привычек, реализация которых, благодаря постоянным упражнениям, усилению воли и наследованию, порождала адаптивные признаки (органы).

Во многих работах правильно отмечается, что основное кредо эволюционной концепции Ламарка составлял принцип градации, согласно которому главной движущей силой естественной истории животных является внутренне заложенное в них стремление к прогрессу, конечная цель которого достигнута в человеческом существе. Идеал человека стоит как бы над всеми классами животных, поэтому Ламарк не поместил семейство гоминид в свою зоологическую систему.

Конкретные факторы эволюции («законы» упражнения органов, наследования приобретенных признаков) Ламарк не детализирует при рассмотрении антропогенеза и ограничивается общей схемой: новые потребности вызывают выработку функциональных привычек при использовании органов, которые, наследственно закрепляясь в последовательных поколениях, в итоге приводят

к преобразованию морфо-физиологической организации. Наглядной моделью этого процесса является становление двуногого хождения через переходную стадию полуназемных обезьян. Два других элемента гоминидной триады: развитые кисть и головной мозг, а также стадный образ жизни и трудовые операции, вообще не упоминаются.

Как наиболее развитая среди животных, «порода» двуруких гоминид получила господство над ними и завладела всеми удобными для нее местами обитания. В условиях группового проживания возникала потребность взаимного общения посредством знаковой коммуникации. Для этого путем постоянных усилий использовались различные приемы от мимических жестов и модуляций голоса до образования звуков и в конечном итоге членораздельной речи. Пространственная изоляция поселений первых людей создавала условия для появления различий по разнообразию языков.

Каким фактическим материалом располагал Ламарк для размышлений о происхождении человека? Как видно из приведенного очерка о накоплении антропологических знаний, к началу XIX в. были известны несколько групп фактов, которые с очевидностью подводили к мысли о генеалогическом родстве человека с высшими обезьянами и эволюционной связи между ними.

Во-первых, было показано близкое сходство (гомология) в строении частей тела, особенно конечностей, во-вторых, замечена способность ныне живущих антропоидов к вертикальным позам и прямохождению, в-третьих, выявлены развитое умственное поведение и голосовое общение, наконец, очевиден семейно-стадный (социальный) образ жизни. Все эти показатели близкого родства человека с высшими антропоидами послужили наглядным основанием для включения Линнеем рода *Номо* в отряд приматов. На очереди встала историческая задача объяснить эволюционное происхождение человеческого существа.

Эволюционно-антропологические построения Ламарка ограничивались скудостью фактических данных из сравнительной морфологии, экологии и систематики гоминидов. В качестве единственного примера возможных предков человека, с которыми генеалогически связаны современные антропоиды, он называет «самое совершенное животное» — шимпанзе, которое в то время обозначалось ангольским орангом (*Simia troglodytes* Lin.). При сравнении последнего с орангутаном (*Simia satyrus* Lin.) Ламарк показывает слабую осведомленность в экологии и образе жизни этих разных антропоидов. Орангутана он называет индийским орангом, хотя тот обитает на островах Юго-Восточной Азии и является почти исключительно древесным приматом. Подобные артефакты были нередкостью в представлениях «кабинетных» ученых, зачастую ссылавшихся на рассказы и домыслы странствующих натуралистов и путешественников.

Ни на кого из предшественников или коллег, кроме врача Б. Ришерана, Ламарк не ссылается, что дополнительно демонстрирует умозрительность его рассуждений, интеллектуальную замкнутость и в какой-то мере отчужденность от научного сообщества в обсуждении проблемы антропогенеза.

В целом гипотеза Ламарка по объяснению движущих сил антропогенеза представляла собой конгломерат выдвинутых ранее положений: принципа градации и стремления животных достичь уровня человека (Робинэ), идеи о потребности как стимуле развития морфологической организации (Гельвеций), «законов» упражнения органов и наследования приобретенных изменений как причинных

факторов морфогенеза (Бюффон). Симиальная концепция объединила в себе антропологический креационизм Линнея с эволюционной идеей и тем самым стала предвестником зарождения нового направления в науках о человеке — эволюционной антропологии.

При жизни Ламарка его гипотеза о происхождении человека под действием естественных законов эволюции не имела успеха, как и его эволюционная концепция в целом. Тем не менее, в ней были изложены правильные мысли о генеалогической связи предков человека с древесными обезьянами, переходе дриопитеков к наземной жизни, прямохождению, освобождении передней конечности для выполнения сугубо человеческих функций.

Величие исторической заслуги Ламарка заключается, таким образом, не только в том, что он был первым автором целостной эволюционной концепции, но и первой научной концепции антропогенеза. Обе они оказались несостоятельными в толковании движущих сил развития, но симиальная гипотеза впервые показала реальные пути возникновения человека в контраверзу выдуманному в библейских и тому подобных сказаниях фантастическим способам его творения.

Умозрительный характер рассуждений, отсутствие убедительного фактического обоснования симиальной гипотезы, как и эволюционной концепции Ламарка, предопределили на полвека негативное их восприятие. Такая реакция на выступления Ламарка объясняется надуманностью толкования модификационной изменчивости и ее прямого наследования как факторов эволюции. В одном из писем Г. Лаказ-Дютье вспоминал: «Когда я начал свои занятия в Париже, к общим идеям Ламарка обращались только для того, чтобы над ними посмеяться... в Ботаническом саду крупнейшие ученые называли его помешанным» (Цит. по: Назаров, 1974, с. 41). В такой атмосфере отношений к создателю первой эволюционной концепции можно представить и реакцию на его гипотезу о происхождении человека. Здесь мы видим не такой уж редкий в истории науки случай неприятия новых («сумасшедших») идей, их обструкции, длительного забвения и затем «озарения» по поводу уже ранее «изобретенного велосипеда».

В заключение очерка о накоплении антропологических знаний за более чем два тысячелетия отметим наиболее характерные особенности этой области познания человека. С античности и до середины XIX в. значительно продвинулись вперед представления о естественном происхождении человека путем сбора доказательств его сходства с животными, особенно с высшими антропоидами. На основании этого сходства было определено положение человеческого вида в общей зоологической системе и выдвинута первая научная концепция антропогенеза. Генеалогическая связь между казавшимися невероятно далекими друг от друга человеком и животными, устанавливаемая даже путем умозрительных построений, производила впечатление на ученых и философов, предрасположенных к эволюционному мышлению.

Становление эволюционного направления в антропологии

Научная концепция эволюции, изложенная в фундаментальном труде «Происхождение видов путем естественного отбора» (Darwin, 1859), явилась мощным стимулом внедрения принципа исторического развития в многосторонние

исследования живой природы, на основе которых во второй половине XIX в. формируется комплекс отраслей эволюционной биологии классических направлений (эволюционная морфология, физиология, эмбриология, палеонтология), несколько позднее возникают новые науки эволюционного профиля (биохимия, генетика, экология, микросистематика). Примечательно, что по времени возникновения список этих отраслей открывает эволюционная антропология, начало которой было положено уже через несколько лет после публикации главного труда Ч. Дарвина.

В книге о развитии эволюционной теории после Дарвина К.М. Завадский (1973) выделил два основных направления, по которым формировались отрасли эволюционной биологии: *филогенетическое* и *экологическое*. Автором приведен многочисленный исторический материал в доказательство правомерности выделения данных направлений. Теоретически они обосновываются следующими аргументами.

После публикации труда Дарвина «Происхождение видов» встала логически первая задача — всесторонне доказать сам факт эволюции. Она была успешно решена в течение двух десятилетий, прежде всего при изучении генетического родства между разными группами организмов. Одним из основных приемов филогенетических исследований становится метод тройного параллелизма — объединения сравнительно-морфологического, эмбриологического и палеонтологического подходов (Haeckel, 1866). Уже к концу XIX в. филогенетическое направление вполне себя оправдало в решении многих общих и частных вопросов теории эволюции (соотношение онтогенеза и филогенеза, направленность, необратимость, неравномерность и другие общие закономерности эволюционного развития).

Вместе с тем к этому времени филогенетические исследования уже не определяли главную стратегию в развитии самой теории эволюции. Вставала более важная и более сложная задача — доказать и, прежде всего, на фактах, что эволюционный процесс имеет адаптивное содержание и осуществляется по дарвиновским законам. Утверждение об адаптивном характере эволюции вытекает из предмета экологии, изучающей взаимодействия организмов с абиотической и биотической средой. На уровне биологических знаний до начала XX в. экологическое направление в развитии теории эволюции и ряда направлений эволюционной биологии, прежде всего морфологии и физиологии, могло формироваться пока путем изучения организменных адаптаций и в основном на фактах модификационной изменчивости.

Исторически сложилось так, что подобно другим отраслям биологического эволюционизма у истоков эволюционной антропологии находились не экологические, а филогенетические исследования. В центре внимания ее основоположников оказалась не дальнейшая эволюция «готового» человека (*Homo sapiens*) после его появления, а предшествующий период. Таким образом, зарождение эволюционной антропологии и основное ее содержание длительное время было связано, во-первых, с познанием происхождения человека, во-вторых, с доминирующим, если не сказать, исключительным положением здесь филогенетического направления.

Итак, предварительный вывод сводится к тому, что становление эволюционной антропологии почти всецело находилось в русле общих филогенетических

исследований, отражало в себе многие особенности, характерные для формирования других отраслей эволюционной биологии.

Какие же задачи стояли перед основоположниками эволюционного направления в антропологии, решение которых позволило бы заявить о рождении новой научной дисциплины? В тезисной форме их можно сформулировать следующим образом:

- определить сходство между человеком и высшими приматами по морфологическим, физиологическим и поведенческим признакам;
- доказать генеалогическое родство между ними с использованием метода тройного параллелизма;
- установить общего исторического предка у человека и антропоидов, от которого началась дивергенция гоминидной линии от общего ствола гоминоидов;
- составить филогенетическую родословную *Homo sapiens* путем выявления промежуточных стадий;
- теоретически обосновать положение о естественном отборе как факторе антропогенеза или хотя бы акцентировать на нем внимание.

Глубокий по анализу и яркий по форме очерк развития взглядов о филогении человеческого вида представлен в книге Б.Ф. Поршнева (1974), где показано возникновение и, по словам автора, падение, а затем восстановление идеи обезьяночеловека в поисках переходного звена в антропогенезе. Очерк может служить канвой для более детального описания исторических исследований происхождения человека на протяжении девятнадцатого столетия. В нем привлекает внимание оригинальность многих выводов автора, например, о влиянии некрофагии на морфологическую эволюцию ранних гоминид, полемичность других выдвинутых им положений.

В предыдущем разделе показано, что еще с эпохи Возрождения высказывалась мысль о генеалогической связи человека с обезьянами, — настолько очевидной она была для наблюдательных натуралистов и врачей, занимающихся сравнительной анатомией. В симиальной гипотезе Ламарка уже вполне осознанно проявился научный подход к выяснению загадки происхождения человека. Полное отсутствие палеоантропологических находок, господство креационистского мышления и цензуры были препятствиями для развития взглядов на возникновение человека от животных предков, а тем более на движущие силы этого естественно-природного процесса.

Впервые таинственную завесу над проблемой происхождения человека приподняли в начале 1860-х гг. три выдающиеся биолога К. Фогт, Т. Гексли, Э. Геккель.

К. Фогт — зоолог и антрополог, известный по философской литературе как лидер «вульгарного материализма» (наряду с физиологами Л. Бюхнером и Я. Молешоттом). Идею о происхождении человека от обезьяны он всесторонне обосновал в публичных выступлениях в 1862 г. под общим названием «Лекции о человеке, его месте в мироздании и в истории Земли», изданных через год в двух томах (Fogt, 1863). Сразу же после публикации сочинение Фогта переводится на русский язык под названием «Человек и место его в природе. Публичные лекции» (СПб., 1863–1865, т. 1–2).

В этом труде, открывшем серию работ по созданию эволюционной антропологии, впервые был применен комплексный подход, получивший название метода тройного параллелизма.

Сравнительно-анатомическое исследование человека и высших обезьян, утверждал Фогт, не оставляет никакого сомнения в генеалогическом родстве между этими, внешне, казалось бы, очень далекими друг от друга организмами. С наибольшей полнотой он проводит сравнение морфологического строения мозга, и эта концентрация внимания ученого была не случайной. Сходство в сложной анатомии мозговых структур, наиболее характерной для обезьян, а тем более человека, основательнее всего наводило на мысль о филогенетической близости этих представителей высших млекопитающих.

Следующий шаг — поиски палеонтологических доказательств идеи происхождения человека от общего с обезьяной предка. К моменту выступления Фогта уже были известны ископаемые фрагменты неандертальца. Если исходить из исторических документов, человек увидел останки своего ближайшего предка в 1848 г. при раскопках на Гибралтаре. Череп этого существа отличался от черепа людей сильно покатым лбом, выступающими надглазничными гребнями, массивными костями лицевой части и зубами, имел объем около 1300 см³. Сенсационная находка предшественника человека стала известной научной общественности в 1864 г., когда о ней сообщил на конгрессе Британской ассоциации наук геолог Г. Баск, и где она была включена в неандертальский тип гоминид под названием «гибралтарский человек». Несколько ранее, в 1857 г., на конференции Нижнерейнского общества естественных и медицинских наук И. Фульротт и Г. Шафгаузен сообщили о находке черепа вымершего существа в пещере Фельдгофер близ Дюссельдорфа с аналогичными признаками, которому и было дано название «неандерталец»¹. В 1859 г. статья Фульротта «Останки человека из грота Фельзен долины Дюссель. Заметка к вопросу о существовании ископаемого человека» публикуется в журнале, становится известной за пределами Германии и привлекает к себе широкое внимание.

Череп неандертальца дополнял модель сходства человека с обезьяноподобными предками, но последние рассматривались Фогтом не в качестве свидетельства переходного, «среднего» звена между человеком и высшими приматами, а скорее возвращающегося ближе к обезьяне. Последнее заключение привело к формулировке его известной концепции о микроцефалии у современного человека как атавистического доказательства ранее существовавшей переходной формы с малым объемом мозга. Здесь налицо использование идеи параллелизма между онтогенезом и филогенезом, только перевернутой вспять: от патологии у человека — к норме у его предка. Фогт продолжал развивать идею микроцефалии в применении к объяснению антропогенеза и в другой специально посвященной ей работе (Fogt, 1867), также переведенной на русский язык (Фогт, 1873).

Концепция Фогта встретила резкую критику со стороны Р. Вирхова и других антропологов, представивших достаточно убедительные данные о ее спекулятивном характере. Тем не менее, сама основа концепции не была забыта, позднее

¹ Слово «неандерталец» широко известно, но мало кто знает, что происхождением оно связано с названием притока Рейна, которое происходит от фамилии ректора местной школы И. Неандера. Увлекательный рассказ о первых двух открытиях ближайшего предка человека изложен в популярной книге «Поиски предка Адама» известного археолога В. Ларичева (1978).

ее пытались реанимировать отечественные врачи (Берлин, 1934; Домба, 1935), но их работы остались незамеченными антропологами.

Примечательно, что Фогт сам свидетельствует о влиянии книги Дарвина «Происхождение видов» на его рассуждения по поводу переходной формы от «ближайшей <...> группы животных» и прямо указывает на ведущую роль «прогрессивного отбора» как фактора антропогенеза (1863, с. 82). Однако такого вывода, продолжает он, не осмелился сделать Дарвин в силу закосности общественной мысли «старой Англии».

Саркастическое замечание немца Фогта в адрес английского менталитета снимает своими работами соратник и близкий друг Дарвина Томас Гексли. Одновременно с публикацией книги Фогта выходит в свет его небольшая по объему работа с весьма созвучным названием «Человек и место его в природе» (Huxley, 1863), неоднократно переведенная на русский язык (Гексли, 1864 — 1-е изд.) и получившая широкую известность. В отличие от Фогта, интересовавшегося непосредственно проблемой антропогенеза с упоминанием о факторах этого процесса, его английский коллега ограничился в основном сравнительно-морфологическими и сравнительно-эмбриологическими доказательствами родства человека с антропоидами.

Многие известные антропологи (Бишоф, Грасиоле, Панш, Эккер), исследуя развитие мозга у зародышей обезьян и человека, приходили к выводу, что последовательность стадий этого процесса не согласуется с законом Бэра, согласно которому в эмбриогенезе позвоночных вначале закладываются признаки наиболее крупных таксонов и затем более мелких с окончательным формированием видовых особенностей. Независимо от того, справедлива ли гипотеза о «небэровской» последовательности в закладке височных и лобных борозд в эмбриогенезе мозга у человека и обезьян, она не отрицает факта появления у зародыша человека многих других признаков низших приматов. Этот факт, подчеркивает Гексли (1953, с. 310), и следует ожидать, «если человек произошел путем постепенных видоизменений от той же самой формы, от которой произошли и остальные приматы».

Тщательно проведенный Гексли на большом фактическом материале сравнительный анализ генеалогического родства человека с приматами был существенным вкладом в укрепление симиальной концепции происхождения человека.

Особенно примечательным было подтверждение большей близости к человеку высших антропоидов, чем таковой между высшими и низшими приматами. «Итак, — заключал Гексли, — по строению мозга ясно, что человек отличается от шимпанзе или оранга менее, чем эти последние даже от низших обезьян...» (Huxley, 1863, p. 102). Данный факт таил в себе опасность ошибочного его истолкования, а именно утверждения о происхождении человека непосредственно от понгид. Такое мнение вскоре появилось и до сих пор сохраняется в обыденном сознании со ссылкой на приоритет Дарвина.

Далеко не разгаданную еще тайну происхождения человека Гексли назвал «вопросом всех вопросов», и этот стимулирующий к научным поискам лозунг вдохновлял еще одного известного исследователя, стоявшего у истоков эволюционной антропологии, — Э. Геккеля. Свое выступление на международном конгрессе зоологов в Кембридже (1898 г.) он начал с патетической преамбулы по поводу вопросов зоологической науки: «Из этих вопросов ни один не представляет такого величайшего общего интереса, такого глубокого философского

значения, как вопрос о происхождении человека — этот колоссальный вопрос всех вопросов» (Геккель, 1899, с. 4). Речь произнесена тридцать лет спустя после того, как Геккель вступил на поприще создания эволюционной антропологии. К этому времени он опубликовал основные работы (Haeckel, 1866, 1868a, 1868b, 1874, 1900) в данной области, в которую внес заметный творческий вклад.

В капитальном труде «Всеобщая морфология организмов» Геккель (Haeckel, 1866), наряду с изложением своих взглядов на общие проблемы теории эволюции, в том числе филогенетики, много места отводит «вопросу всех вопросов». Предлагаемое им объяснение антропогенеза лежит в русле общих рассуждений об основном биогенетическом законе и построении генеалогических схем.

Первое направление в становлении эволюционной антропологии относится к уже во многом решенной Фогтом и Гексли задаче — доказать родство человека с приматами на основе данных сравнительной морфологии. Деятельность Геккеля сконцентрирована в основном на сравнительно-эмбриологическом методе, с помощью которого при изучении раннего онтогенеза человека и высших антропоидов он демонстрирует их генеалогическое сходство.

Второе направление, принесшее Геккелю известность и вместе с тем упреки в излишней смелости и даже научном фантазерстве, относится к его увлечению построением филогенетических «древес». Именно в этих умственных реконструкциях истории жизни рождается базовый термин «филогения», который затем модифицируется во многих производных терминах, включая и используемое в данной работе название — филогенетическое направление в эволюционной антропологии.

Среди построенных Геккелем филогенетических родословных определено место и последовательной эволюции отряда приматов: от полуобезьян к низшим обезьянам, антропоидам и человеку. Однако промежуток в эволюционном ряду между антропоморфными обезьянами и человеком настолько очевиден, что потребовалась вставка какого-то пока гипотетического переходного звена (*Übergangsform*). Геккель придумал для его обозначения хорошо известное всем название — «питекантроп», или обезьяночеловек, в латинском написании *Pithecanthropus alalus*, буквально переводимое как существо, не обладающее речью. Эволюционное происхождение питекантропа выводилось от высших обезьян, а сам он считался прямым предком человека разумного, наделенного «даром речи».

Итак, около полутора столетий назад были сделаны два теоретических обобщения, которые положили начало становлению эволюционного направления в антропологии. Во-первых, фактически основательно доказано близкое сходство человека с высшими обезьянами или антропоидами — отсюда и название последних (подобные человеку). Во-вторых, выдвинуто положение о происхождении человека не прямо от обезьяны, а от промежуточного существа — питекантропа. Высказано также предположение о роли естественного отбора как фактора антропогенеза. Первые два положения означали утверждение симиальной концепции, составившей первооснову всех последующих исследований проблемы происхождения *Homo sapiens*.

Глава 2.

Значение трудов Ч. Дарвина в формировании эволюционной антропологии

Творческой роли Ч. Дарвина в объяснении вопросов, связанных с происхождением человека, посвящена неисчислимая литература, и здесь его заслуга ставится на второе место после триумфа общей теории эволюции. Диапазон оценок значения трудов Дарвина в исследовании проблемы антропогенеза необычайно широк: от квалифицированных отзывов антропологов, морфологов-эволюционистов, психологов, этнографов, лингвистов, философов до обывательских представлений о том, что «человек произошел от обезьяны» и что этот афоризм принадлежит Дарвину.

В то же время, как это бывает со многими научными открытиями, не было недостатка и в реакции противоположного толка: от попыток маститых специалистов дать бой симиальной концепции до саркастических высмеиваний и карикатур с изображением Дарвина, окруженного и увешанного обезьянами. Тема нашего предка в виде обезьяночеловека становится модной, подобно тому, как в древности и средневековье полулюди-полуживотные представлялись в образе сфинксов, панов, сатиров и т.п., только теперь она воспринимается как в научном понимании, так и в стремлении опорочить его на страницах популярных изданий и в публичных диспутах.

Значение трудов Дарвина для формирования эволюционного направления в антропологии исторически основательно и детально, с критическими замечаниями исследовано в отечественной литературе (Нестурх, 1941; Рогинский, 1953; Некрасов, 1953). В связи со столетним юбилеем выхода в свет главного труда Дарвина «Происхождение видов» опубликованы материалы посвященного этой дате симпозиума, специальный том которых содержит выступления его участников по проблеме антропогенеза и вкладе Дарвина в ее решение (The evolution of man, 1960).

Историческая роль Дарвина в формировании эволюционной антропологии нередко преувеличивается не в меру ретивыми популяризаторами его творчества

в данной области. До сих пор встречаются стереотипные комментарии, подобные, например, такому: «...Ч. Дарвин впервые в истории человеческой культуры и в истории науки строго научно доказал естественное, природное (а не божественное) происхождение человека, показал на основе закономерной генетической связи биологическое родство человека с высшими млекопитающими» (Филиппов, 1997, с. 96). Действительно, роль Дарвина в становлении эволюционной антропологии и научном опровержении креационистского мировоззрения велика, но она здесь исторически не первенствующая, как это видно из приведенного выше очерка развития антропологических знаний.

Место Дарвина среди создателей эволюционной антропологии следует оценивать с учетом деятельности предшественников. На этот момент обратил внимание К.М. Завадский (1973, с. 56–57), когда писал, что Дарвин выступил в печати по поводу происхождения человека значительно позднее Гексли. Как видно из предыдущего изложения, число его предшественников далеко не ограничивается только названным именем.

Наряду с признанием исторического вклада Дарвина в становление эволюционной антропологии, многими антропологами и историками науки отмечалась ошибочная его позиция в чрезмерном сближении человека с антропоидами в поведенческих реакциях и даже по мыслительным способностям, а также в преувеличении роли полового отбора в антропогенезе. Эти критические замечания представляются справедливыми.

Наконец, высказано неожиданное мнение, что в сочинениях Дарвина («Происхождение человека и половой отбор» и «Выражение эмоций у человека и животных») не обнаруживается «сколько-нибудь глубоких идей» в сравнении с публикациями названных выше предшественников. Дарвин здесь запоздал, и тому были причины, в том числе личного характера (Поршнева, 1974). Реакция на такое категоричное заявление известного историка науки не может ограничиться только сугубо негативным ответом.

Все вышесказанное подводит к выводу о необходимости обстоятельного рассмотрения значения трудов Дарвина в становлении эволюционной антропологии.

История создания книги «Происхождение человека и половой отбор»

Заключительную главу главного сочинения «Происхождение видов» Дарвин оформляет в виде краткого повторения основных положений своей эволюционной концепции, границ ее научного применения и возможных против нее возражений. На предпоследней странице была включена только одна бесчисленно цитируемая в литературе фраза: «Много света будет пролито на происхождение человека и его историю» (Соч., т. 3, с. 665). Здесь же предсказывается развитие знаний в данной области словами: «...откроется еще новое и более важное поле исследования». Этим «полем» Дарвин называет психологию, фундаментально заложенную Г. Спенсером, и основной тезис нового подхода, согласно которому приобретение умственных способностей у человека происходило постепенным путем, подобно эволюции других зоологических видов. Как видим, уже здесь намечается программа исследований антропогенеза преимущественно со стороны

познания эволюции психической деятельности человека, реализованная в трудах «Происхождение человека и половой отбор» (Darwin, 1871) и «Выражение эмоций у человека и животных» (Darwin, 1872).

Краткое замечание о перспективе исследований антропогенеза, вставленное в текст первой публикации «Происхождения видов», Дарвин сохранил без изменения и в последнем издании (1876), когда уже были опубликованы его антропологические сочинения. Этот факт косвенно свидетельствует о том, что автор вполне осознавал грандиозность замысла по исследованию происхождения человека и далеко не мог осуществить его своими трудами. Предстояла работа для многих ученых и на долгие времена, так как тема эта представлялась сложнее, чем уже освещенная проблема происхождения видов.

Создание Дарвином работ о человеке и его происхождении во многом определялось умственным напряжением, связанным с ответственностью за выводы по очень не простой в научном, нравственном и идеологическом отношении теме, душевными переживаниями при общении с коллегами, друзьями и родственниками, другими личностными качествами как ученого и гражданина. История написания труда о происхождении человека представляет собой наполненный событиями акт психологии научного творчества, приуроченный к эпохе, когда происходила коренная ломка мышления от замшелой теологии и консервативной телеологии к естественнонаучному мировоззрению.

С наибольшей отчетливостью и откровенностью умственные настроения и эмоциональные переживания Дарвина по поводу эволюционных исследований отражены в письмах к коллегам и сторонникам его взглядов (The Life and Letters..., 1887), в мемуарах «Воспоминания о развитии моего ума и характера», в дневниковых записях, опубликованных на русском языке под общим названием «Автобиография» в 9 томе собрания сочинений и отдельным изданием (Дарвин, 1957). В этих публикациях отражены многие моменты истории создания антропологических сочинений Дарвина как научного, так и личного характера.

Следует сразу оговорить, что хотя главный труд Дарвина в области антропологии, по замыслу автора, посвящен проблеме *происхождения* человека, в большей части его текста речь идет об эволюции уже сформировавшегося вида *Homo sapiens*. Это относится к доказательствам генеалогического родства сапиенса с высшими животными, особенно с антропоидами, к рассуждениям о факторах его эволюции (размножаемость, индивидуальная изменчивость, борьба за существование и отбор, изоляция, упражнение органов).

Объясняя свой интерес к проблеме полового отбора и его роли в антропогенезе, Дарвин вспоминал: «Но когда я увидел, что многие натуралисты полностью приняли учение об эволюции видов, мне показалось целесообразным обработать имевшиеся у меня заметки и опубликовать специальный трактат о происхождении человека. Замысел этот был тем более по душе мне, что он давал мне удобный случай полностью обсудить проблему полового отбора, — проблему, которая всегда очень интересовала меня» (Дарвин, 1957, с. 141).

Из приведенных слов и последующего за ними текста с очевидностью выявляются несколько существенных моментов в творческом наследии Дарвина, в том числе в исследовании проблемы антропогенеза. Как ни странно, на первый взгляд, в рассматриваемом тексте не упоминается основное детище — концепция эволюции на основе естественного отбора. Данный факт можно объяснить тем,

что больше всего интерес вызывает тема «единственного предмета» — проблема самого факта эволюции, решение которой он мог полностью обосновать фактическим материалом по изменению домашних животных и культурных растений, а также данными по изучению полового отбора, включая его действие у человека.

В последнем приложении тема полового отбора занимает меньше внимания в сравнении с его действием в мире животных и рассматривается в книге о происхождении человека, по признанию самого автора, для наиболее полного охвата всего имеющегося материала по половому отбору в целом. Поэтому не должно удивлять значительное несоответствие названия этой книги ее структуре, в которой основное место по объему материала занимает тема полового отбора у животных и только в последней главе — у человека, к тому же больше в сравнительно-морфологическом и этнографическом, чем в эволюционном аспекте. Отсюда понятно, почему при рассмотрении «теории полового отбора» отечественными комментаторами излагается материал книги Дарвина по действию этого фактора только у животных и вообще не упоминается его роль в происхождении человека (Давиташвили, 1961; Зеликман, 1966). Известное объяснение этому таится и в идеологической сфере того времени, когда официально принятой доктриной было утверждение об исключительной роли в антропогенезе трудовой деятельности.

Многих занимал вопрос, почему Дарвин, заявив в «Происхождении видов» о заманчивой перспективе исследований антропогенеза с позиции его эволюционной концепции, сам хранил длительное молчание. Выше приводилось высказывание К. Фогта о личностных характеристиках представителей «старой Англии», связанных с неоправданной осторожностью в научных выводах, традициями национального менталитета и религиозного догматизма. Все же причины молчания были намного глубже и многостороннее, если учитывать особенности Дарвина как ученого, ответственного за свою научную деятельность, осознающего возможность социально искаженного восприятия теории естественного отбора, в том числе по проблемам эволюции человека и современной общественной жизни, положение в научном сообществе, наконец, семейные и родственные отношения.

Первой причиной сдержанности Дарвина в печатном выступлении по проблеме происхождения человека было то, что она находилась только в стадии постановки, весьма приближенной к основательному научному исследованию. Для сколько-нибудь успешного ее решения требовалась исходная фактическая база, прежде всего в палеоантропологии. Как уже упоминалось, при жизни Дарвина были известны только две находки ближайшего предка сапиенса (гибралтарский человек и неандерталец). Он сдержанно высказался по поводу останков неандертальца одной безликой фразой: «...некоторые черепа весьма большой древности, например, знаменитый неандертальский череп, были хорошо развиты и объемисты» (Соч., т. 5, с. 177). Трудно ответить на вопрос, почему обстоятельный Дарвин, столь много внимания уделявший фактическому обоснованию своих исследований, совершенно упустил из поля зрения пусть даже фрагментарные, но весьма ценные палеонтологические доказательства эволюционного происхождения человека, не «зацепился» за них. Данный факт тем более удивителен, что во введении к своему труду в числе первой из основных целей он ставил рассмотрение вопроса о происхождении человека, «подобно другим видам, от какой-либо ранее существовавшей формы» (Там же, с. 134). Несомненно, здесь сказалась

осторожность в слишком ответственных выводах на основании очень скудного палеоантропологического материала.

Второй причиной была первостепенная задача убедить научную общественность в обоснованности главного детища — концепции эволюции посредством естественного отбора. Отвлечение внимания к столь сложной в научном и идеологическом отношении теме как происхождение человека могло бы увести в сторону интерес к данной концепции. Сам Дарвин об этом писал: «В продолжении многих лет я собирал заметки о происхождении человека без всякого намерения опубликовать что-либо по этому вопросу, — скорее с намерением не выпускать моих заметок в свет, так как я полагал, что они могли бы только усилить предубеждения, существовавшие против моих взглядов» (Там же, с. 133). Поэтому, продолжал Дарвин, ему казались достаточными лишь указания еще в первом издании «Происхождения видов», что этот труд «прольет свет на происхождение человека и его историю». Из данной фразы читатель поймет, что возникновение человеческого вида следует рассматривать в контексте положений, общих для эволюции всех организмов. К этим словам он добавляет, что общие выводы, изложенные в прежних сочинениях, желательно было бы применить к человеку, так как до этого он ни разу не прилагал усилий для исследования эволюционного возникновения какого-либо конкретного вида.

После опубликования «Происхождения видов» перед автором стояла задача выполнить данное в этом сочинении обещание по более тщательному фактическому обоснованию общей концепции эволюции, что и было сделано в книге «Изменения домашних животных и культурных растений» (Darwin, 1868). Как видим, подготовка этого трудоемкого исследования заняла почти десятилетие после публикации главного сочинения.

Наконец, о чем писали многие комментаторы, определенную роль сыграло нежелание вступать в прямой конфликт с религиозными догматами, влияние которых было весьма значительным в английском обществе. В этой связи, как он сам признается в письме к К. Марксу от 13 октября 1880 г., ему не хотелось причинить чрезмерное огорчение членам своей семьи.

Содержание концепции антропогенеза

Во введении к «Происхождению человека» Дарвин отмечал: «Вследствие того, что эти воззрения (эволюционные идеи — А.Г.) приняты в настоящее время большинством натуралистов..., я решился собрать мои заметки в одно целое, чтобы иметь возможность проследить, насколько общие выводы, к которым я пришел в моих прежних сочинениях, могут быть применены к человеку» (Соч., т. 5, с. 133). И далее он выделяет основные цели своей работы: во-первых, показать естественное происхождение человека от «какой-то ранее существовавшей формы», во-вторых, рассмотреть «способ» (т.е. причинные факторы) его эволюции, в-третьих, «оценить значение различий между так называемыми человеческими расами». Все три пункта исследовательской программы сформулированы предельно обобщенно и в таком виде составляют структурную основу двух разделов эволюционной антропологии — теории антропогенеза и расоведения.

Логически первая задача — доказать положение о происхождении человека «от какой-то низшей формы». Прямых свидетельств, указывающих на такую форму, нет, в отличие от многих видов, исходные предки которых могут быть установлены с полной достоверностью. Успех этого дела совершенно очевиден для случаев доместикации: скалистый голубь, банкивская кура, волк — прародители домашних голубей, кур, собак. Для человека установить его конкретного животного предка не представляется возможным, поэтому остается констатировать существование гипотетической исходной формы, которая непременно была в прошлом, по аналогии с филогенией всех других организмов.

Солидная эвристическая база данного положения исходит из доказательств родства человека с высшими животными и особенно с антропоидными обезьянами. Главные аргументы в пользу такого положения Дарвин объединил в три группы: гомологичные органы у человека и животных, сходство стадий их эмбрионального развития (рекапитуляция), рудиментарные органы как свидетельства общности происхождения.

Первые две группы фактов (сравнительно-морфологические и сравнительно-эмбриологические) накоплены в большом объеме и ранее обобщены Э. Геккелем (Haeckel, 1866) в известном «биогенетическом законе». Поэтому Дарвин дает сравнительно краткий их обзор, ссылаясь на «высокие авторитеты» (Huxley, 1863; Bischoff, 1868; Haeckel, 1866, 1870) и заключает цитатой из работы Т. Гексли, что в ответе на вопрос о происхождении человека от животного предка «нельзя сомневаться ни минуты».

Третья группа фактов относится к рудиментарным органам, которые также наглядно показывают генеалогическое родство человека с животными. Они не значимее двух предыдущих, замечает Дарвин, но рассматриваются им с большой полнотой и тщательностью. У всех высших животных имеются органы в рудиментарном (зачаточном) состоянии, и «человек не составляет исключения из этого правила» (Там же, с. 142). В подтверждение приводятся многочисленные факты, доказывающие родство человека с высшими животными по рудиментарным органам (аппендикс, мозаичный волосяной покров, молочные железы у мужчин, способность двигать ушной раковиной и кожей на лбу).

Подводя итог анализу фактического материала, свидетельствующего о родстве человека с животными и, следовательно, о происхождении его от низшей формы, Дарвин заключает: «Таким образом, нам становится понятным, как могло случиться, что человек и все другие позвоночные устроены по одному общему образцу: почему они проходят те же самые фазы развития в самом начале своего существования и потому у всех остаются некоторые рудиментарные органы. Поэтому мы должны были бы откровенно признать общность их происхождения: придерживаться другого взгляда значит принимать, что наше собственное строение и строение всех животных вокруг нас есть просто ловушка, придуманная для затемнения нашего рассудка» (Там же, с. 153). В век просвещения следует оставить мысль, что человек есть отдельный акт творения, очиститься от этого заблуждения. Как видим, причастность автора приведенных слов к религиозному мировоззрению, если она и была таковой в той или иной форме, полностью исключается, когда речь заходит о происхождении человека естественным путем.

Объяснение движущих сил антропогенеза. Вслед за научными доказательствами происхождения человека от животного предка и тем самым опроверже-

ния метафизической догмы о его божественном творении вставала более сложная задача — показать естественные причины антропогенеза. Если внимание предшественников было почти полностью сосредоточено на обосновании самого факта эволюционного происхождения человека, то Дарвин пошел дальше по совершенно неизведанному пути — попытался приложить свою концепцию эволюции к объяснению движущих сил антропогенеза. Даже все его последователи вплоть до 1920-х гг. ограничивались фрагментарными ссылками на естественный отбор как главную причину возникновения человеческого вида. Слабое внимание к разработке принципа естественного отбора проявилось в этот период по отношению к нему как ведущему фактору эволюционного развития всей живой природы (Завадский, 1973). У самого же Дарвина высказаны глубокие мысли и по поводу движущих сил эволюции человека, причем в системном изложении, согласно общей логике концепции эволюции. Этот существенный момент остался мало отраженным историками и комментаторами его творчества.

Естественный отбор — главный фактор антропоэволюции. Если для доказательства происхождения человека от животных предков уже имелся фактический задел, то решение проблемы движущих сил этого процесса упиралось в полное отсутствие такового. Здесь можно было использовать метод научной аналогии и теоретические построения из общей концепции эволюции.

Следуя примененному при создании этой концепции методу аналогии между практической селекцией и естественным отбором, Дарвин обращается к нему и для объяснения эволюции человека.

Исходным фактическим аргументом для сравнения является диапазон внутривидовой групповой и индивидуальной *изменчивости*. Здесь используется прием двойной аналогии. Вначале указывается, что одомашнированные животные представлены намного большим числом форм, чем их природные предки, и эта специфика наблюдается также в многообразии человеческих рас. «Домашние животные изменчивее, чем животные в естественном состоянии... Различные расы человека похожи в этом отношении на домашних животных...» (Там же). Вторая часть аналогии относится к указанию на то, что причиной подобного сходства является разнообразие и изменчивость условий, действию которых подвергались селектируемые животные и формы внутри человеческого вида.

Многообразие домашних пород создавалось искусственным (бессознательным и методическим) отбором, эволюция человека осуществлялась действием совершенно иных факторов, в том числе и направлений отбора. Человек отличается от любого домашнего животного тем, что «его размножение никогда продолжительно не контролировалось ни методическим, ни бессознательным отбором» (Там же). Ни одна раса или группа людей не была подчинена другим расам в том смысле, чтобы ее представители были отобраны и сохранены бессознательным отбором по признакам большей полезности для «хозяев-селекционеров». Данное замечание очень существенно при оценке влияния трудов Дарвина на появление разных течений социал-дарвинизма и евгеники.

Содержание той части текста «Происхождения человека», в которой рассматриваются движущие силы антропоэволюции, структурировано в соответствии с логической схемой общей концепции эволюции.

Вначале рассматривается исходный фактор — *наследственная изменчивость* и приводятся фактические иллюстрации. Совершенно очевиден факт исключи-

тельного разнообразия людей по их внешнему облику, нет и двух особей одной расы, абсолютно похожих друг на друга. Туземные расы Австралии, считавшиеся «самыми чистыми и однородными», при внимательном исследовании различаются в деталях по многим признакам. Нет необходимости прибавлять что-нибудь и в доказательство наследования отличительных особенностей у людей, в том числе умственных способностей и нравственных качеств, о чем свидетельствует, по словам Дарвина, замечательная работа Ф. Гальтона (Galton, 1869) по наследованию таланта.

Другим фактором эволюции человека, согласно общей схеме, должна быть *более высокая рождаемость* в каждом поколении по сравнению с выживаемостью до репродуктивного периода, поскольку прогрессия размножения является исходной предпосылкой для борьбы за существование и естественного отбора. Дарвин задает вопрос: «Стремился ли человек размножиться настолько быстро (многочисленно в каждом поколении — А.Г.), чтобы это могло иногда послужить поводом к жестокой борьбе за существование и вследствие этого к сохранению благоприятных изменений как физических, так и умственных, и к уничтожению неблагоприятных?» (Там же, с. 136–137). В ответе на данный вопрос он воздерживается от прямой аналогии с эволюцией природных видов.

Как бы там ни было, неизбежность борьбы за существование и отбора в эволюции человека обусловлена объективными факторами: прогрессией размножения и неравноценностью его далеких предков по приспособленности к дефициту пищи, другим условиям проживания, конфликтами за полового партнера, взаимной психологической неприязнью. «Древние прародители человека, подобно всем другим животным, вероятно, тоже стремились размножиться выше своих средств существования; поэтому они должны были подвергаться по временам борьбе за существование, а, следовательно, подлежать суровому закону естественного отбора. Таким образом, возможные полезные видоизменения временно или постоянно сохранялись, а неблагоприятные уничтожались» (Там же, с. 171–172). Обратим внимание на слово «по временам», которым Дарвин выделил не универсальный, а эпизодический характер действия природных факторов эволюции в человеческих сообществах.

Следом за цитированными словами о действии отбора Дарвин добавил: «Я имею в виду не значительные отклонения в строении, которые появляются через длительные промежутки времени, а лишь простые индивидуальные различия». Данной фразой, как ни странно, он по существу перечеркивал все свои рассуждения о борьбе за существование и отборе как факторах микроэволюции человека или очень суживал границы их действия в пределах сохранения индивидуальной изменчивости.

Наряду с обсуждением индивидуального отбора, действующего на основе избирательной элиминации отдельных особей, Дарвин обратил внимание на очень важное значение в эволюции человеческого вида *группового* отбора — выживания в борьбе за существование консолидированных, внутренне организованных сообществ. Можно предполагать, что первые люди и даже обезьяноподобные предки человека могли существовать только при совместном проживании. В эволюции человека групповой отбор действовал повсеместно и эффективно, уничтожая одни «племена» и сохраняя жизнь другим. Такие высказывания встречаются во многих местах «Происхождения человека».

Половой отбор, его направления и способы действия. Обсуждение направлений полового отбора, реализующихся в его результатах, проводится через «способы» его действия. Оба типа (как с мужской, так и с женской стороны) этой своеобразной формы естественного отбора создавали физические и умственные различия между полами и среди особей противоположного пола, а также расхождение рас от древних родоначальных предков и последующие многочисленные дивергенции между ними. Сам механизм полового отбора был одним и тем же — выбором наиболее привлекательных партнеров по самым различным признакам. Эти признаки сами по себе целенаправленно определяли результаты сексуального селектогенеза, выраженные в эволюции вторичных половых признаков. Диапазон результатов полового отбора был очень широк: от различий в морфотипе до умственных, психологических, эстетических, нравственных.

Эволюция полового диморфизма по морфологическим (физическим) признакам могла обуславливаться разделением труда в условиях общественной жизни. Участие мужчин в выполнении тяжелой и опасной для жизни работы (добыча животной пищи, строительство жилищ, защита от врагов) под действием обычного естественного отбора способствовало развитию более мощного телосложения, которое играло не последнюю роль в половом отборе. Грацильное, более изящное телосложение женщин было обусловлено их хозяйственной деятельностью с меньшим физическим напряжением (сборительство, приготовление пищи, воспитание потомства).

Понятием полового отбора Дарвин склонен объяснять возникновение многих особенностей человеческого характера и восприятия окружающего мира. В их числе он называет смелость, настойчивость, воинственность, а также считает, что нервная система могла оказывать обратное влияние на развитие телесных структур у разных полов, например, на величину и физическую силу тела, органы восприятия музыки или ярких красок. Впрочем, эту сложную и еще очень загадочную тему он специально не развивает, ограничивается словами, что это — «любопытное заключение», призывая тем самым к дальнейшим исследованиям.

Итак, схема действия основных движущих сил эволюции полностью или частично накладывается на историческое развитие человека и вместе с тем дополняется рядом других факторов. В их числе Дарвин выделяет прямое действие измененных условий внешней среды, влияние упражнения и неупражнения органов, остановки в индивидуальном развитии, реверсию (возврат к предковым состояниям), коррелятивную изменчивость. Еще в сочинении об изменении домашних животных и культурных растений (Darwin, 1868, t. II, ch. 22–23) он отмечал, что «все эти, так называемые, законы одинаково приложимы и к человеку, и к низшим животным» (Соч., т. 5, с. 157). В «Происхождении человека» почти всем из перечисленных «законов» дается развернутая или краткая характеристика. На них следует остановиться для наиболее полного представления о взглядах Дарвина на факторы антропоэволюции.

Прямое воздействие среды. По поводу данного фактора Дарвин сразу же замечает, что это наиболее запутанный вопрос, о чем свидетельствуют материалы биометрической статистики, в частности измерения роста военнослужащих в США. Обнаружено увеличение роста солдат в западных штатах, в то время как у матросов оно не наблюдается. Дарвин ссылается на вывод Б.А. Гулда (Gould, 1869), что причины этого явления не связаны с климатом, расположением над

уровнем моря, удобствами жизни. По данным другого автора, жизненный комфорт или его отсутствие сказываются на изменении роста новобранцев во Франции. Сравнение роста у обитателей плодоносных и скудных по природной пище полинезийских островов, жителей восточного и западного побережий Огненной Земли демонстрирует выраженную картину различий в росте, обусловленных климатическими факторами и качеством питания. Заслуживают внимания данные о вредном влиянии условий среды на рост у жителей городов в сравнении с сельчанами, а также данные о наследовании снижения или задержки роста у первых, что зафиксировано на городском населении Великобритании и США. В целом же остается в силе замечание Дарвина о «наибольшей запутанности» исследований значения прямого действия среды и наследования приобретенных изменений, в том числе у человека.

Упражнение и неупражнение органов. Этот ламарковский «закон» в совокупности с «законом» наследования изменений призван к объяснению эволюционной роли модификационной изменчивости. Как известно, в поздний период жизни Дарвин, наряду с убежденностью в правоте концепции естественного отбора, был склонен придавать им существенное значение. Возможно, для успокоения душевного состояния по отношению к этому до конца не решенному вопросу он приводил довольно много примеров влияния упражнения и неупражнения органов на морфофункциональную эволюцию человека.

Два из них особенно показательны. Тонкость ног и толщину рук у индейцев пайагвасов можно приписать тому, что почти все время они проводят в лодках, занимаясь греблей и мало упражняя нижние конечности. У цивилизованных народов челюсти уменьшились в результате приема искусственно приготовленной пищи, в то время как у туземных племен наблюдается более выраженное развитие жевательных мышц и лицевых костей (прогнатизм) в силу их упражнения при употреблении сырой и грубой пищи.

В эволюции человека Дарвин придавал «закону» упражнения-неупражнения органов вспомогательную роль, да и то с оговоркой о вероятном его действии, что видно из следующих слов: «Хотя человек в позднейшие периоды своего существования мог и не измениться значительно от усиленного или уменьшенного упражнения органов, но приведенные факты показывают, что он сохраняет склонность к подобным изменениям... Следовательно, мы можем допустить, что когда в отдаленную эпоху прародители человека находились в переходном состоянии и изменились от четвероногих животных в двуногих, то унаследованные результаты усиленного или ослабленного упражнения различных частей тела, вероятно, много помогали действию естественного отбора» (Там же, с. 161–162). Из приведенного высказывания видно, что «закон» упражнения-неупражнения органов в эволюции предков человека не только ограничивался в сфере своего действия, но имел и вероятный характер проявления.

Остановки развития. Под этим понятием Дарвин имеет в виду задержку в стадиях онтогенеза, выраженную в недоразвитии признаков взрослого организма, и характерную для предков, названную «фетализацией» (Haeckel, 1866). Для иллюстрации приводится исследование К. Фогта о микроцефалах, которые отличаются меньшим объемом и развитием мозга, прогнатизмом, заметно выступающими надбровными дугами, ограниченностью умственных способностей, особенностями поведения в виде пристрастия к лазанию по деревьям и обнюхи-